

INSPIRIA

18+

МЫ ЗНАЕМ,

ЧТО ТЫ

ПОМНИШЬ

ТУВЕ АЛЬСТЕРДАЛЬ

INSPIRIA

Ток. Новый скандинавский триллер

Тове Альстердаль

Мы знаем, что ты помнишь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Альстердаль Т.

Мы знаем, что ты помнишь / Т. Альстердаль — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Новый скандинавский триллер)

ISBN 978-5-04-188583-0

ЛУЧШИЙ ШВЕДСКИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН 2020 ГОДА. ШОРТЛИСТ ПРЕМИИ «ЛУЧШАЯ ШВЕДСКАЯ КНИГА ГОДА». ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «СТЕКЛЯННЫЙ КЛЮЧ». ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ ОСЕНИ 2020 ГОДА ПО ВЕРСИИ ЖУРНАЛА PEOPLE. Загадочное убийство в сонном шведском городке... Но есть одно «но» – тело так и не найдено... Уолафу Хагстрёму было всего четырнадцать, когда он признался в убийстве и изнасиловании девочки-подростка Лины Ставрэд. Тело жертвы так и не нашли, а преступник оказался слишком юн, чтобы получить реальный тюремный срок. Поэтому его отправили в интернат для трудных подростков. С тех пор для всего городка мальчик и его семья стали изгоями. Однако, двадцать три года спустя Уолаф все-таки решил вернуться в родной дом. Только там его ждало жуткое открытие: разлагающееся в ванной тело отца. Для офицера полиции Эйры Шьёдин расследование этой подозрительной смерти воскрешает забытые ужасы прошлого. Ей было девять, когда Уолафу предъявили обвинение. Она до сих пор помнит страх, окутавший все ее детство. И вот теперь мальчик из ночных кошмаров вернулся, принося с собой новые беды. «Сильный местный колорит, достоверные персонажи и извилистый сюжет делают эту книгу выдающейся. Это шведский нуар в его мрачном проявлении». – Publishers Weekly «Безумно захватывающе». – Крис Уитакер, автор мирового бестселлера «Мы начинаем в конце» «Потрясающе закрученные американские горки в этом триллере». – Питер Джеймс, автор бестселлеров New York Times «Прекрасный элегический и замысловатый сюжет – это скандинавский нуар в лучшем его проявлении». – People «Убедительно и мастерски прописано». – Booklist «Альстердаль придумывает достаточное количество сюжетных поворотов, чтобы сохранить интерес к полицейскому расследованию, и создает замечательную главную героиню; поклонники зарубежных детективов будут рады познакомиться с ней». – Library Journal «Игра в кошки-мышки,

которая обещает быть полной сюрпризов, а также вдумчивые размышления о горе, вине и памяти». – LitHub’s Crimereads «Захватывающе... Сюжет этого запоминающегося триллера блестяще продуман и реализован, а развитие множества интересных персонажей впечатляет. Это такое же глубокое психологическое исследование, как и продуманное полицейское расследование. Превосходный детектив и чрезвычайно откровенное чтение». – Bookreporter «Красивый атмосферный роман с увлекательным сюжетом и очень привлекательным детективом, с которой я действительно жду новой встречи». – Nordic Noir

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-188583-0

© Альстердаль Т., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Тове Альстердаль

Мы знаем, что ты помнишь

Tove Alsterdal
Rotvälta

© Tove Alsterdal, 2020

© K Petro, Kriachko Oleksii/ Shutterstock.com

© Савина Е. Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Впереди громадной тенью высилась гора Скулебергет – гора разбойников. На краю поля зрения промелькнула и пропала бензоколонка, снова потянулся ельник. Последние двадцать миль ему нестерпимо хотелось в туалет.

Свернув с шоссе на проселочную дорогу, он выбрался из машины и шагнул на обочину, в буйно цветущие заросли.

Повернулся лицом к лесу и облегчился.

Было что-то такое в окружающих его запахах. Цветы вдоль дорожной канавы. Сырость в траве и дымка тумана в вечернем воздухе. Лютики, иван-чай и лесной купырь, вымахавший высотой в метр. Еще, кажется, луговая тимофеевка – он узнал только те растения, что были ему знакомы.

Зимой почва промерзла, асфальт совсем растрескался и превратился в щебень. Через несколько миль он мог бы свернуть налево и снова вернуться на трассу Е4, крюк вышел бы совсем небольшой. Его взгляду открылась величественная панорама – зеленые холмы и волнистые долины, было в этом что-то волнующее, словно смотришь на теплые мягкие аппетитные женские формы.

Он ехал мимо спящих ферм и заброшенных домов. Мимо озер, с поверхностью настолько гладкой и неподвижной, что отражавшийся в ней лес выглядел как самый настоящий. До самой последней веточки. Когда-то он стоял на этой самой горе, глядел сверху на безбрежные Одаленские леса, и казалось ему, что нет им ни конца, ни края.

За всю дорогу, до самой развилки в Бьертро, ему не встретилось ни одной машины. Он узнал желтую дощатую хибару, маячившую впереди. Теперь внутри за пыльной витриной виднелся только строительный мусор, однако вывеска, говорившая о том, что здесь когда-то был продуктовый магазин, осталась. Улофу вспомнились сладости по субботам, вкус жележных лягушек и соленой рыбы. На очередном повороте он свернул не в ту сторону, углубляясь все дальше в дебри. До утра он в любом случае успеет добраться до северных пригородов Стокгольма, босс все равно еще будет спать, и никто не станет сверять часы или выяснять точный расход бензина. Дополнительные полмили большой роли не сыграют. Улоф всегда сможет сослаться на дорожные работы и жилые прицепы дачников и отдыхающих, массово рванувших на природу, – всем известно, на что похожи шведские дороги летом.

Это время. Конец июня.

Эти запахи, и этот свет. У него пересохло во рту и обмякли ноги. Все, что он видел и чувствовал сейчас, все было точь-в-точь таким, как тогда. Когда занятия в школе заканчивались и начиналась скука. Самые длинные дни в году, когда он словно выпадал из времени. Когда Улоф вспоминал об этой поре, ему казалось, что все происходило в сумерках в пасмурный день, хотя

тогда тоже должно было быть светло, как сейчас. Эта бесконечная белая ночь, бледные полуночные часы, когда солнце лишь слегка окунается за горизонт, чтобы вскоре вынырнуть вновь.

Он ехал мимо того, о чем забыл или просто не вспоминал. И все же оно все это время было здесь. Большой, выкрашенный желтой краской дом, в котором жили горожане, приезжавшие сюда на лето с детьми. Им еще не разрешалось гонять на великах по сельским дорогам. Ферма в стиле американского ранчо с причудливой верандой и выгонами, где топтался табун беговых лошадей, тупо пялившихся на дорогу. Белые пластиковые тюки с сухой травой на сеновалах, куда можно было взбираться и играть в царя горы, а еще по левой стороне там была береза, возле которой он сбавил скорость и свернул. Дерево вымахало до невероятных размеров. Ветви с ярко-зелеными молодыми листочками свисали чуть ли не до земли, заслоняя собой почтовые ящики.

Но он и без того знал, где находится нужный ему, из серого пластика, третий в ряду. Из прорези торчала газета. Улоф выбрался из машины и подошел, чтобы прочесть фамилию на почтовом ящике.

Хагстрём.

Отмахнувшись от комаров, он вытащил последний выпуск «Тиднинген Онгерманланд», под ним лежали еще два сложенных номера, вот почему верхнему не хватило места. Реклама оптоволоконных сетей связи, счет от местной коммуны Крамфорс. Кто-то продолжал здесь жить, получать почту, газету, платить за воду и вывоз мусора или что еще там было. Его пробрала дрожь, когда он прочел имя адресата.

Свен Хагстрём.

Улоф запихал все обратно в почтовый ящик. В машине из брошенного на пол пакета достал шоколадное печенье и сунул в рот, чтобы успокоиться. Запил банкой энергетического напитка и прихлопнул комара, который пробрался внутрь салона. Тот уже успел насосаться от пуза – на кожаной обивке сиденья расплзлось красное пятно. Он оттер его с помощью слюны и туалетной бумаги, после чего медленно покатил дальше по старой тракторной колее. Было слышно, как по днищу скребет трава, машина то и дело подсакивала, попадая колесами в ямы. Мимо дома, где жил Стринневик, и серого, спрятавшегося в зелени сарая. Дорога пошла под уклон, потом резко в гору, и наконец он достиг вершины, где тьма ельника заканчивалась и природа распахивалась навстречу реке и просторам. Знакомый красный дом проплыл мимо, но Улоф глянул на него лишь краешком глаза. Посмотреть на него прямо у него не хватило духу. В конце дороги он повернул и медленно покатил обратно.

Краска вокруг окон облупилась. Машины он не приметил, но ведь она могла стоять в гараже. Участок вокруг дровяного сарая порос высокой травой вперемешку с тонкими, торчащими из земли веточками, которые вскоре обещали превратиться в густую древесную поросль.

Почему-то Улофу казалось, что все здесь должно быть другим: заброшенным и пришедшим в упадок или проданным чужим людям.

Но на деле ничего из этого вроде бы не случилось.

За мусорным баком он притормозил и заглушил мотор. Вся лужайка перед домом была усыпана желтыми одуванчиками. Он вспомнил, с какой силой ему приходилось дергать их, чтобы выколоть все подчистую. Спешил убрать, пока цветы не превратились в белые головки и семена не разлетелись с ветром, рубил их тяпкой под корень, чтобы ростки не появились вновь. В этих воспоминаниях его руки были совсем тощими. Улоф уставился на свои широкие ладони, когда снова включал зажигание.

Над верхушками елей поднималось солнце. Его лучи отразились в зеркале заднего вида и блеснули ему в глаза. Он зажмурился. И увидел ее перед собой. Или внутри себя. Было неясно, где именно она находится, но он увидел ее именно такой, какой видел все эти годы, каждую ночь. Если ему не удавалось уснуть сразу, вусмерть пьяным, измученным или полумертвым от

усталости, то он видел ее всегда, раз за разом, как она идет в этот лес. Она бродила внутри него и снаружи. Так близко, совсем неподалеку отсюда, там, где река.

Этот ее взгляд, когда она сворачивает на тропинку. Ему кажется или она как-то по-особому улыбается ему? Машет ему рукой? Идем же, Улоф, идем! Неужели это в самом деле предназначалось ему?

А еще эти голоса вокруг, вонь бензина от форсированных движков мопедов и дым сигареток, удерживающих комаров на расстоянии.

Гляди-ка, Улоф, а у тебя, кажется, встал. Давай двигай скорей за ней. Ты не думай, Лина вовсе не ледьшика. Иди же, неужели не видишь, что она хочет. А может, он педик, а, ребята? Эй, Улоф, ты когда-нибудь целовался с девчонкой или только чмокаешь в щечку свою мамочку?

Ну же, Улоф, иди скорей! Что, никогда этого не делал? Ну так это просто. Просто сунь ей руку под футболку и как следует возбуди ее, пока она не успела прочухаться.

Их голоса продолжают звучать у него в голове, пока он идет по тропинке. Подол платья развеивается впереди, желтая кофточка мелькает между ветвей.

Лина.

Нежные, как бархат, руки, такая смеющаяся, пахнущая крапивой, заросли которой обжигают икры, тучи комаров и эти сволочи слепни, кровь на ее руке, там, где он прихлопнул одного, и ее смех – спасибо, Улоф, какой же ты герой. Ее губы так близко. Он думает о том, какие они мягкие, словно мох, влажные, податливые, как он впиивается в них. Вторгается языком в рот, прежде чем она снова начнет болтать, и слышит голоса ребят в голове. Ты гляди, говорят они, некоторые телки способны проболтать всю ночь, упустивши момент, так и останетесь на всю жизнь всего лишь друзьями. Нет уж, дудки, руки на грудь, мни и ласкай, возьми соски в рот, им это тоже нравится. Делай все так, как будто ты здесь хозяин. Главное, черт возьми, не сомневайся, девчонки любят строить из себя недотрог, щипаться и царапаться, когда на самом деле они влажные, возбужденные и только того и ждут, чтобы их взяли, но нельзя просто так трясти своим хером, нужно все делать по науке. Запускаешь пальцы в трусики и ласкаешь вагину, ну а потом заслонка открыта и давай газуй, поехали. Врубаетесь, да?

А потом Улоф лежит в зарослях крапивы, а она возвышается над ним. Она повсюду.

В машине нечем дышать, только духота и жар, ему нужно скорее на свежий воздух.

Утренний туман окутал тонкой дымкой бухту внизу. На противоположном берегу реки высятся вечные горы, в небо из труб фабрики в Вэйя поднимаются столбы дыма. В тишине он различил шелест осин – ветерок такой слабый, что его почти не слышно, – и тяжелое гудение шмелей среди цветов люпина и ромашки. А потом до его ушей донесся скулеж. Жалобный такой, словно от раненого или попавшего в беду зверя. Звук шел из дома. Улоф попробовал бесшумно преодолеть несколько шагов и вернуться обратно к машине, пока собака не обнаружила его присутствие, но с такими габаритами, как у него, по сухой траве и сучьям, трещавшим под ногами, это было невозможно. Он услышал вокруг себя пронзительное пение комариной стаи, и собака, конечно же, тоже его услышала и залаяла внутри как безумная. Царапаясь и подвывая, она бросалась на стену или дверь. Это напомнило ему неистовый лай охотничьих собак, как они свирепо кидались на решетку своих вольеров, когда кто-нибудь проезжал мимо них на мопеде. Полицейские ищейки. Как они носились вдоль реки, вынюхивая следы Лины. Их лай вдалеке, когда они обнаружили ее вещи.

Ему стоило сесть в машину и как можно скорее уехать отсюда, пока старик не проснулся и не заметил у себя на участке постороннего. Кто его знает, вдруг он схватится за свое охотничье ружье, то самое, которое когда-то доводилось держать Улофу, но которое никогда не устареет

настолько, чтобы из него невозможно было выстрелить. Воспоминания внезапно обрушились на него: цвета, мебель, выкрашенная зеленой краской лестница, обои с цветочным мотивом, постель наверху, в каморке под скошенной крышей, которая принадлежала Улофу.

А потом он заметил воду, которая тихонько сбегала по внешней стороне фасада. Неужто трубу где-то прорвало? И почему пес заперт в доме? Было слышно, что он находится не в сенях возле входной двери, что было бы естественно для охотничьего пса, да и вообще для любой собаки – лай доносился откуда-то из глубины дома. Кажется, из кухни, которая находилась в дальнем конце прихожей. Через окно Улоф увидел голубые панели на стенах, белые дверцы посудного шкафа, кастрюлю с едой на плите.

Должно быть, пес был один. Потому что вряд ли найдется человек, способный так крепко спать и ничего не слышать.

Он вспомнил про камень, круглый камешек возле угла дома. Когда он поднял его, несколько мокриц бросились наутек. Ключ по-прежнему лежал там.

Очень трудно попасть ключом в замочную скважину, когда трясутся руки. У Улофа не было никакого права отпираться дверь. *Ты же знаешь, что они прекратили всякое общение с тобой.*

Его встретил особый, ни на что не похожий запах родного дома. Ощущение, что он снова стал ребенком. Портрет старика с пышными усами, взирающий на всех сверху, какой-то премьер-министр столетней давности – теперь их глаза оказались на одном уровне. А еще там была скамеечка с подушкой на сиденье, чтобы на ней разуваться, половики, сотканые руками бабушки по отцу. Сейчас их едва было видно из-за сваленных друг на друга и разбросанных как попало вещей на полу: инструменты, рыбацкие снасти, утварь, между которыми оставался лишь узкий проход, тянувшийся через всю прихожую. По бокам громоздились ящики с пустыми банками и бутылками. Его мама никогда бы не позволила скопиться таким завалам.

Когти стучали и скребли по дереву. Улоф оказался прав, пес действительно был заперт на кухне. Дверь для надежности подперли черенком от швабры. Несмотря на шемящую душу тоску, которую вызвали в нем окружающие его предметы, Улоф сразу подумал, что ни один человек не имеет права поступать так со своей собакой.

Он выдернул швабру и, когда дверь распахнулась, отскочил назад. Швабру он держал в руке на тот случай, если придется обороняться от собачьих зубов, но черное существо пулей пронеслось мимо него, навстречу долгожданной свободе. Вонь мочи и собачьего дерьма преследовали пса по пятам, уже успев впиться в кожу. Вот бедняга.

А потом Улоф увидел, что вода бежит из ванной. Она просачивалась между дверью и порогом, заливала половики в гостиной и образовывала на коричневом линолеуме маленькие речушки и озера.

Метка на маленьком поворачивающемся замочке на двери ванной светилась белым, а не красным, как это бывает, когда внутри кто-то есть. В детстве Улоф научился запирается в тубзике и сидеть там с комиксами – без этого никуда, если у тебя есть старшая сестра-зануда, которая вопит, что ей срочно нужно попасть внутрь.

Он распахнул дверь, и ему на ботинки хлынул целый поток воды.

В воде вперемешку с грязью плавали губка, волосы и дохлые мухи. Полосатая душевая занавеска была задернута. Ступив внутрь, Улоф почувствовал, как ему в носки просачивается холодная вода. Прежде чем убраться отсюда, он мог хотя бы попытаться перекрыть воду, чтобы дом совсем не смыло. Улоф отдернул душевую занавеску.

В ванной сидел человек. Неестественно изогнутое тело, обвалившееся на стул странной конструкции. Улоф все видел, и в то же время у него в голове не укладывалось. Старик просто свисал со стула, безвольно обмякнув, белый-пребелый. В окно светило солнце, и в его лучах кожа старика сверкала и поблескивала, словно рыба чешуя. Мокрые пряди волос прилипли к

голове. Улоф сумел сделать еще один шаг вперед, чтобы добраться до вентиля, и душ наконец перестал изрыгать из себя воду.

В наступившей тишине было слышно только его собственное хриплое дыхание и жужжание мух, бьющихся в оконное стекло. Затихающий звук капающей воды. Он не хотел больше на это смотреть, в то же время не мог заставить себя отвести глаза. Голое тело притягивало его взгляд, намертво приковывая к себе. Опухшая кожа, казалось, существовала отдельно от тела, на спине расплзались зеленоватые пятна. Улоф крепко ухватился за раковину и еще ближе наклонился вперед. Глаз мужчины он разглядеть не смог, но на мощном носе виднелась знакомая шишка, полученная еще в юности после удара клюшкой для хоккея с мячом. Между ног – изогнутый, как червяк, пенис.

В этот момент раковину сорвало со стены. Жуткий грохот, словно рухнул дом. Улоф пошатнулся и потерял равновесие. Шлепнулся в воду и ударился головой о стиральную машину. Пытаясь подняться, поскользнулся и грохнулся снова.

Кое-как выполз на карачках из ванной и встал на ноги.

Скорее вон отсюда.

Он захлопнул входную дверь и запер ее. Положил ключ обратно, где взял, под камень, и, изо всех сил стараясь шагать ровно, как можно быстрее добрался до машины, завел мотор и сдал назад, попутно задев мусорный бак.

Так помирают многие пожилые люди, думал он, пока машина катилась прочь, а сердце колотилось в груди, грохотом отдаваясь в висках. Прихватит сердце, или, там, инсульт случится, и все. Человек упал и умер. Полиция подобными вещами не занимается. Таких одиноких стариков много, некоторых вообще находят не раньше чем через несколько лет.

Но зачем, спрашивается, он запер пса?

Улоф резко затормозил. Прямо перед ним посреди дороги стоял пес. Еще десять метров, и он бы задавил этого бедолагу. Пасть открыта, язык свешивается наружу, сам весь черный, глаза горят, шерсть на загривке вздыблена. Пес явно появился на свет в результате разгульных собачьих свадоб на природе. Голова как у лабрадора, шерсть как у заросшего терьера, уши торчком.

Улоф заглушил мотор. Машину следовало доставить целой и невредимой. Красавец «Понтиак», настоящая находка, совсем скоро он должен оказаться перед гаражом босса, с ключом, спрятанным в оговоренном месте.

Пес не двигался.

Если он начнет сигналить, то услышат соседи и тут же свяжут одно с другим, поэтому он вышел из машины и попытался жестами и шипением отогнать пса. Пес продолжал молча на него таращиться.

– Да проваливай же ты, чертяка, – прошипел Улоф и швырнул палку прямо в пса. Пес на лету поймал ее, прыгнул вперед и, положив палку к его ногам, энергично замахал всей своей задней частью, словно жизнь была для него всего лишь веселой игрой. Улоф схватил палку и зашвырнул ее как можно дальше в лес. Пес ломанулся за ней через заросли черничника. Но только Улоф снова собрался сесть в машину, как услышал сзади шаги по гравиию.

– Классная тачка, – произнес чей-то голос за спиной. – Ни за что бы не подумал, что в этой дыре можно встретить подобное.

Быстро и легко ступая, к нему приближался незнакомый мужчина, одетый в короткие шорты, тенниску и белые спортивные туфли. Подойдя, он одобрительно, словно коня по крупу, похлопал машину по черному бамперу.

– Я правильно угадал, это «Транс Ам», третьего поколения?

Улоф замер: одна нога в машине, другая снаружи.

– Угу, восемьдесят восьмого года выпуска, – пробормотал он, глядя в салон. – В Стокгольм еду. Уппландс Бру.

Он хотел сказать, что торопится и должен как можно скорее покинуть это место, пока дороги не загрохотали машинами, сегодня же пятница и канун Дня середины лета, во всех направлениях наверняка будут пробки, и потом, по радио предупреждали о сужении проезжей части на длинных отрезках пути между Худиксваллем и Гевле из-за дорожно-ремонтных работ, но не смог выговорить ни слова. В добавок ко всему из леса с палкой в зубах выбежал пес и ткнулся своим влажным носом ему в ногу.

– То есть тачка не для продажи?

– Это не моя. Я ее лишь перегоняю.

– И каким-то ветром вас занесло сюда.

Незнакомец улыбался, но за этой улыбкой – Улоф догадался по голосу мужчины – скрывалось что-то еще. Там все время что-нибудь скрывается.

– Я просто искал, где сходить в туалет.

– И выбрали эту дорогу? Простите, что спрашиваю, но у нас тут в округе недавно объявилась шайка воров. Приезжают, проверяют здешние дома, рыщут, где бы пожить. У соседа чуть подальше украли газонокосилку. Поэтому мы стараемся по возможности приглядывать. Примечать незнакомые машины, ну вы понимаете.

Пес, почуяв пакет с едой, попытался протиснуться в машину между ног Улофа. В голове всплыл увиденный им беспорядок на кухне, разбросанные по полу упаковки с полуфабрикатами – должно быть, пес в поисках еды забрался в кладовку.

Улоф ухватил пса за загривок, тот заворчал и вырвался.

– Это ваш?

– Нет... Он стоял на дороге.

– Но разве это не Свена Хагстрёма пес? – Мужчина обернулся и, прищурившись, посмотрел на дом, который все еще виднелся между деревьями. – Он дома?

Улоф боролся со словами. С правдой. Перед глазами возникла бегущая из душа вода, отделившаяся от тела белая кожа. Ключ под камнем. Он откашлялся и еще крепче вцепился в автомобильную дверцу.

– Свен мертв. – Когда он это сказал, что-то крутанулось внутри него и сдавило ему горло, словно некто сделал из веревки петлю и затянул ее. Нужно было что-то еще добавить, потому что после такой новости мужчина попятился на несколько шагов назад и внимательно взглянул на номера машины – Улоф только теперь заметил в руке у незнакомца телефон.

– Ключ под камнем, – выдавил он. – Надо было выпустить пса... Я просто проезжал мимо.

– Но кто вы? – Мужчина поднял телефон перед собой. Послышался щелчок, следом еще один. Он что, фотографирует машину и Улофа?

– Я звоню, – строго произнес незнакомец. – Я сейчас же звоню в полицию.

– Это мой отец. Свен Хагстрём.

Мужчина посмотрел вниз на пса, потом снова на Улофа. Взгляд незнакомца буравил его, проникая под личину того, кем он стал.

– Улоф? Так ты Улоф Хагстрём?

– Я должен был сам позвонить в полицию, но...

– Меня зовут Патрик Ньюдален, – сказал мужчина и сделал еще несколько шагов назад. – Ты меня, наверное, не помнишь, я сын Трюггве и Мейан, они живут выше по склону. – Он показал в сторону дороги в направлении усадьбы в глубине леса. Отсюда, где они стояли, ее не было видно, но Улоф знал, что она расположена на поляне, которую пересекала колея для мопедов.

– Не скажу, что помню тебя, мне было всего пять или шесть лет, когда...

В наступившей тишине Улоф прямо-таки услышал шорох шестеренок в этой белокурой голове. И следом глаза Ньюдалена вспыхнули. Он вспомнил. Все то, что ему успели напелсти за эти годы.

– Пожалуй, ты должен сам рассказать полиции о том, что произошло. Вот, смотри, я набираю номер и передаю трубку тебе, идет? – Мужчина сильно вытянул руку вперед, словно не желая подходить слишком близко. – Это мой личный. Но рабочий телефон у меня тоже есть, я всегда ношу его с собой.

Пес забрался в машину, глубоко зарылся носом в пакет и что-то там вынюхивал.

– Или я сам позвоню, – и Патрик Ньюдален снова попятился назад.

Улоф опустил на сиденье. Теперь он припомнил, что на ферме Ньюдаленов жило несколько ребятишек. Кажется, у них еще были кролики? В клетке за домом, куда Улоф однажды пробрался летней ночью. Он открыл дверцу и выманил кроликов наружу листьями одуванчиков. Наверное, потом их съели лисы.

А может быть, они жили на свободе, пока не умерли.

С точки зрения полиции канун дня Середины лета был, пожалуй, наихудшим днем в году, с его красивыми традициями вроде украшения майского шеста и разгульных пьянок, с мордобоями и сексуальными домогательствами в эту самую светлую из шведских ночей.

Эйра Шьёдин вызвалась дежурить в этот день добровольно. В конце концов, у остальных ее коллег были семьи, дети, и им куда нужнее было остаться в этот день дома.

– Уже уходишь?

Мама Эйры вышла за дочерью в прихожую. Ее пальцы безостановочно двигались, перебирая мелкие вещицы, которым не повезло оказаться на крышке бюро в прихожей.

– Я же сказала, мама, я сегодня работаю. Не видела мои ключи от машины?

– А когда же ты вернешься?

Рожок для обуви в одной руке, варежка в другой.

– Сегодня вечером, поздно.

– Никак не возьму в толк, зачем ты носишься туда-сюда, тебе же есть чем заняться.

– Мама, вообще-то я здесь теперь живу, забыла?

После чего начались поиски ключей, которые Черстин Шьёдин вовсе не перекладывала, «как ты можешь говорить, что я забыла, если я твердо помню, что я их не трогала», – пока Эйра не обнаружила ключи в кармане собственных брюк, куда она их сама вчера положила.

Дружеское похлопывание по щеке.

– Мы отпразднуем завтра, мама. С селедкой и клубникой, все как полагается.

– И с крохотной рюмочкой водки.

– Непременно.

Четырнадцать градусов тепла, переменная облачность. Прогноз погоды по радио обещал солнце во всей центральной части Норрланда, ослепительная безбрежная синева до самого вечера. Во всех домах, мимо которых она проезжала, в холодильниках уже лежали загодя заготовленные для праздничного вечера горячительные напитки. В Лунде, во Франё и в Гудмунро, в летних домиках, куда неизменно возвращалось уже второе-третье поколение отдыхающих, в ящиках со льдом в кемпингах. В общем, повсюду.

Парковка возле полицейского участка в Крамфорсе наполовину пустовала. Все копили силы для предстоящего вечера.

На входе ее встретил молодой коллега.

– У нас вызов, – сообщил он, – сомнительная смерть, пожилой мужчина в Кунгсэнгене.

– Может, ты имеешь в виду Кунгсгорден?

– Ну да, точно, а я разве не так сказал?

Эйра покосилась на бейдж с именем на груди. Этот парень появился у них на прошлой неделе, но до сих пор их дежурства ни разу не совпадали.

– Старик грохнулся в душе, – продолжал он, глядя на рапорт, полученный из Главного следственного управления в Умео. – Тело обнаружил сын, сосед вызвал полицию.

– Похоже на естественную смерть, – заметила Эйра. – Зачем же мы туда едем?

– Есть кое-какие неясности. Сын явно пытался как можно скорее покинуть место.

Эйра быстро прошла в раздевалку, чтобы переодеться в форму. Август Энгельгардт. Да, вот как его зовут. Еще один свежеиспеченный выпускник полицейской академии, едва за двадцать семь, накачанный, с «ежиком» и непослушной челкой на голове. Годами работавшие вместе полицейские из телевизионных сериалов все чаще казались ей сказочными персонажами минувших времен.

В действительности же все они оканчивали полицейскую академию в Умео и мечтали получить место в тамошних краях. Чтобы повысить квалификацию, подыскивали себе какой-нибудь малопривлекательный округ, вроде Крамфорса, где и оставались, самое большее, на полгода, каждую неделю мотаясь туда-сюда, преодолевая добрых двадцать пять миль пути, пока не появится какая-нибудь должность в региональном центре с его кофейнями и вегетарианскими ресторанами.

Этот парнишка отличался от всех прочих лишь тем, что был родом из столичного пригорода Сёдерторна. Сотрудники из Стокгольма в их краях были редкостью.

– У меня ведь там и девушка есть, – рассказывал он, сворачивая и проезжая через Нюланд. Эйра увидела циферблаты часов на кирпичной четырехугольной башне, каждый циферблат смотрел в свою сторону света и показывал разное время. Как бы то ни было, четыре раза в день часы на башне в Нюланде все-таки отбивали правильное время.

– Мы купили квартиру, но мне бы хотелось работать в центре, – продолжал Август, – чтобы можно было добираться на работу на велосипеде и все такое. И чтобы мне в голову не летели камни, когда я выхожу из патрульной машины. Вот я и подумал, что могу поработать в провинции, пока что-нибудь не подвернется.

– И заодно малость отдохнуть, это ты хотел сказать?

– Ну да, почему бы и нет?

Он не уловил сарказма в ее голосе. Сама Эйра после выпуска четыре года проработала в Стокгольме, в Западном округе, и сохранила романтические воспоминания о коллегах, в избытке сновавших вокруг нее. Стоило вызвать подкрепление, как оно оказывалось на месте уже через несколько минут.

Эйра пересекла реку по мосту Хаммарсбру и, свернув, поехала в сторону Кунгсгордена. На этой стороне реки простирался край Одаленских ферм и угодий. Эйра бессознательно высматривала холм, на вершине которого был установлен деревянный столб. Давным-давно, еще в детстве, отец показал ей, где в четырнадцатом веке располагалась резиденция короля, самая северная в стране. Уровень моря тогда превышал нынешний на шесть метров, и холмы были островами. Иногда ей удавалось разглядеть столб, а иногда он терялся на фоне ландшафта, вот как сейчас. До этой точки, но не дальше, простиралась власть шведского короля, и фогт¹ Онгерманланда правил здесь, словно далеко протянувшаяся королевская длань.

Севернее же были пустоши и свобода.

Эта история уже готова была сорваться у нее с языка, но Эйра вовремя себя одернула. Она и без того в свои тридцать два постоянно оказывается самым старшим полицейским, еще не хватало показаться совсем глубокой старухой, которая знает о каждом древнем столбе или камне.

Еще отец показывал ей самую центральную точку Швеции, местечко в Юттерхогдале, равноудаленное от всех концов страны, хотя другие решительно настаивают на том, что она находится в Корбёле.

¹ Наместник короля.

У обочины дороги появились почтовые ящики для писем, и Эйра, резко свернув, затормозила на гравии.

Было что-то необычное в этом месте, мгновенно возникшее ощущение чего-то близкого и хорошо знакомого. Дорога через лес, каких сотни, заросшая посередине травой. Две ухабистые колеи из плотно спрессованных глины и насыпанного здесь давным-давно гравия, вдавленных в землю шишек и прошлогодней листвы. Неприметный домик, едва видный с дороги, развалины старого коровника на опушке леса.

Крепкое ощущение того, что в детстве она каталась здесь на велосипеде с кем-то из подруг, скорее всего со Стиной. Эйра уже много лет о ней не вспоминала, а теперь та словно снова была рядом с ней. Напряженная тишина царила вокруг, когда они, переваливаясь на ухабах, катили в гору навстречу дремучему лесу. словно сама природа замерла, затаив дыхание, и что-то запретное ощущалось в этом месте.

– Кажется, я не разобрала имени, – сказала Эйра. – Как, говоришь, его зовут?

– Патрик Ньюдален. – Август нырнул в свой мобильный и принялся искать. – Это, значит, тот, который позвонил в полицию, а покойного звали Свен Хагстрём.

Вон там, за первыми елями, они прятали велосипеды. Лес приближался, высокий, могучий, никогда не подвергавшийся вырубке. Сердце заколотилось у самого горла, и внезапно охватившее ее напряжение стало почти невыносимым.

– А сын, – не дыша спросила она, – тот, что, хотел скрыться?

– Да, точно. Как же его зовут? У меня ведь здесь записано... а впрочем, нет.

Эйра со злостью ударила рукой по рулю. Раз, другой.

– Почему же никто не отреагировал? Неужели не осталось больше никого, кто бы хоть что-то помнил?

– Прости, я не совсем тебя понимаю. Как я должен был отреагировать?

– Да не ты. Я же понимаю, ты не местный и не можешь ничего об этом знать. – Эйра снова отпустила сцепление, и машина бесконечно медленно покатила вперед. Еловый лес напел, делаясь все ближе – сумеречная, первобытная темнота. Этот парень, что рядом с ней, он ведь еще под стол ходил, когда это случилось. После этого еще несколько лет все дела в Норрланде, требующие серьезного вмешательства полиции, разбирались в Региональном следственном управлении, РСУ, в городе Умео. Бесполезно ожидать, что события более чем двадцатилетней давности до сих пор будут у всех на слуху.

Особенно имя, которое ни разу не было предано огласке.

– Впрочем, может, это еще ничего и не значит, – пробормотала она.

– Что? Что ничего не значит?

Эйра посмотрела на лес. Каменные глыбы, покрытые мхом и поросшие черничником, они пробирались между ними, согнувшись в три погибели, она и Стина, по заросшим тропкам до самой хибары. Ползли под елками, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на дом. Увидеть место, где жил такой, как он.

Годы защелкали в голове, чистая математика. Это было двадцать три года назад. Значит, сейчас Улофу Хагстрёму тридцать семь, и он ждет их где-то здесь, на вершине этого холма, если в донесении все правильно указано.

Эйра объехала яму, но вместо нее натолкнулась на камень.

– Улоф Хагстрём давным-давно совершил жестокое преступление, – проговорила она. – Он признал себя виновным в изнасиловании и убийстве.

– Вот оно что! – воскликнул Август Энгельгардт. – Выходит, он только что закончил отбывать срок? Я могу подать запрос в РСУ, чтобы там навели справки.

– Этого случая нет в архивах. Он никогда не был судим. Даже уголовного дела не было возбуждено. Его имя нигде публично не упоминалось, в те времена СМИ вели себя скромнее.

– Так когда же это случилось? В каменном веке, что ли?

– Он был несовершеннолетним, – объяснила Эйра, – на тот момент ему исполнилось всего четырнадцать лет.

Дело закрыли и снабдили грифом «секретно», но, конечно же, во всем Одалене, вплоть до самого Высокого берега и, вероятно, даже в Соллефтео не нашлось бы человека, который бы не знал, чьим сыном был этот мальчишка, этот пойманный с поличным на месте преступления паренек, которого в прессе называли просто – «четырнадцатилетний подросток». Провели расследование, все выяснили, и дело закрыли. Детям снова разрешили гулять и играть в одиночку. Можно было прятаться под елкой и шпионить за тем местом, где он жил, после того как его отослали прочь. Его загоравшая на участке сестра, велосипед с рамой, который должен был принадлежать ему, окно его комнаты – комнаты убийцы. За которым могло происходить все, что угодно.

Надо же, а ведь по виду этот дом ничем не отличается от остальных домов.

Эйра немного заехала на участок и остановилась.

Один из тысячи простых бревенчатых домов, которые стояли здесь, испытывая на себе натиск дождей и ветров, – выкрашенный в красный по верх серого, с облупившейся белой краской на углах.

– Учти, совсем необязательно, что эти два случая как-то связаны, – предупредила она. – Это может быть совершенно естественная кончина.

На другой стороне дороги возле каменного межевого знака собралась небольшая группа людей. Приличная на вид молодая пара лет тридцати. Одеты как горожане на летнем отдыхе, слишком много белого и дорогого. Женщина сидела на каменной глыбе, мужчина же держался настолько близко от нее, насколько могут себе позволить держаться лишь те, кто состоит в интимной связи. На расстоянии нескольких шагов от пары маялся пожилой мужчина явно из местных, с загрубевшим лицом и в шерстяных, волочащихся по земле брюках. Он нетерпеливо топтался на месте, явно испытывая дискомфорт от того, что приходится стоять спокойно.

Чуть дальше, на подъездной дорожке, ведущей к гаражу, виднелся черный навороченный автомобиль американской модели. На месте водителя, откинув голову на спинку сиденья, сидел крепко сложенный мужчина. Казалось, он спал.

– Ну и долго же вы.

Одетый в белое мужчина отделился от группы и двинулся к ним навстречу. Протянул руку для рукопожатия и представился. Патрик Ньюдален, это он звонил. Эйре не пришлось просить его еще раз рассказать все с самого начала, он охотно сделал это сам.

Сейчас, в летнее время, они жили по соседству, Патрик показал на дальний конец дороги. Он здесь вырос, но со Свенном Хагстрёмом близко знаком не был. Его жена тем более. Софи Ньюдален поднялась с камня. Худенькая ладошка, встревоженная улыбка.

Пожилый сосед покачал головой. Он тоже плохо знал старика Хагстрёма, во всяком случае, близкими друзьями они не были, куда там. Так, перекидывались парой слов у почтовых ящиков да помогали друг другу разгрести снег зимой, когда сильно занесет.

Как это принято у соседей.

Эйра сделала несколько пометок и заметила, что Август тоже что-то строчит в своем блокноте.

– Мне кажется, у него шок, – Патрик Ньюдален кивнул на мужчину в американской тачке. – Впрочем, ничего удивительного, если все действительно обстоит так, как он говорит.

Ньюдален сначала не узнал Улофа Хагстрёма, ведь он едва его помнил. Ему просто повезло, что он так рано вышел из дома – хотел побегать, пока на дорогах мало машин, и заодно забрать из почтового ящика газету, «Дагенс Нюхетер», на которую они подписались на время отпуска. В противном случае хрен бы он что узнал.

Именно Ньюдален попросил Улофа Хагстрёма отогнать машину обратно к дому и дожидаться приезда полиции.

– Стоять здесь, конечно, удовольствия мало, доложу я вам, но диспетчер велел мне дожидаться вас, что я и делал. Это отняло у меня кучу времени, ну да ладно.

И Патрик посмотрел на часы, всем своим видом показывая, что он думает о медлительности полиции.

Эйра могла бы поведать ему о наличии всего двух полицейских машин в распоряжении округа, протянувшемся от побережья до самых гор, от Хэрнэсанда на юге до границы с Емтландом на севере, могла бы напомнить ему о бесконечных километрах дорог и личном составе, который из-за праздника Середины лета сосредотачивает все свои силы на вечер, единственный день в году, кстати, когда в Хэрнэсанд вызывают вертолет для поддержки, потому что физически невозможно одновременно попасть сразу, скажем, в Юнселе и Норрфьеллсвикен, если оттуда поступят вызовы.

– То есть никто из вас в дом не заходил? – уточнила она.

Все ответили отрицательно.

Жена Патрика Нюдалена, Софи, в своем пышном летнем платье присоединилась к ним позже, принесла кофе и бутерброд Патрику, чтобы тот смог немного перекусить, ведь перед пробежкой он никогда не завтракает. Ее выговору не хватало мелодики местной онгерманландской речи, которая еще частично сохранилась у ее мужа. Софи сообщила, что она родом из Стокгольма, но ей нравится этот сельский край. Ее не пугают здешние тишина и уединенность, наоборот, она находит их просто очаровательными. С мужем и детьми они проводят здесь почти весь свой отпуск, на небольшой усадьбе, где вырос Патрик, в ней нет ровным счетом ничего примечательного, зато все по-настоящему. Родители мужа – люди еще бодрые и на лето перебираются жить в пекарню по соседству, уступая молодым место. Сейчас они, слава богу, отправились с внуками на реку. Софи взяла мужа за руку.

Пожилой мужчина, которого звали Кьелль Стринневик, жил в ближайшем к дороге доме и еще вчера заметил, что Хагстрём не забрал свою газету. Больше ему сказать было нечего. Подумав, он добавил, что не видел старика всю неделю. Впрочем, он не из тех, кто любит подглядывать за соседями из-за занавесок, – у него и своих дел по горло.

– А ты ведь дочка Вейне Шьёдин, из Лунде, верно? Я слышал, что ты пошла работать в полицию. – И Кьелль Стринневик прищурил глаза, глядя на Эйру с неприязнью, а может, и с одобрением – трудно сказать.

Эйра попросила молодого напарника оформить их показания. Не то чтобы это было его обязанностью, но прямо сейчас куда важнее было допросить Улофа Хагстрёма, и более опытный полицейский справится с этим делом куда лучше.

Та девятилетняя девочка, что жила в ней, была абсолютно с этим согласна.

Эйра двинулась к машине. «Понтиак Файерберд Транс Ам», модель 1988 года выпуска, судя по словам Патрика Нюдалена, чей голос доносился до нее, пока она шагала по газону.

– Немного странно, что он рассказывал о годе выпуска модели, когда сам только что обнаружил своего мертвого отца. Но, с другой стороны, я и сам не знаю, как повел бы себя в подобном случае. Хотя у меня с родителями хорошие отношения, и мой папаша никогда бы не остался лежать...

Сад был неухожен, но запущенным назвать его тоже было нельзя, трава пожелтела от ранней летней засухи. Еще сравнительно недавно кто-то ухаживал за ним, но бросил это дело в прошлом году или около того.

Черный пес поставил лапы на стекло машины и разразился внутри лаем. Мужчина на водительском сиденье поднял голову.

– Улоф Хагстрём?

Она показала ему свое удостоверение, держа его на уровне его глаз. Эйра Шьёдин, офицер полиции из Крамфорса, южный Онгерманладский округ.

Его рука казалась тяжелой, когда он опустил вниз боковое стекло.

– Можете рассказать, что произошло? – спросила она.

– Он просто сидел там.

– Где? В душе?

– Угу. – Улоф Хагстрём посмотрел на пса, который расправлялся на полу салона с порванным пакетом из-под гамбургеров. Эйре пришлось напрячь слух, чтобы разобрать его бормотание. Что он намеревался позвонить в «Скорую». Но здесь плохая сотовая связь. Он вовсе не собирался удирать, только хотел добраться до шоссе.

– Ваш отец жил один?

– Не знаю. У него был пес.

Должно быть, ей стало дурно из-за запаха, вони, какая бывает от давно не мытого тела, вперемешку с миазмами, исходящими от обосранной псины, которая, чавкая и давясь, доедала остатки еды на полу салона. Или же всему виной мысль, что под всеми этими годами и жировыми отложениями скрывается человек, который изнасиловал шестнадцатилетнюю девушку и, задушив ее веткой ивы, бросил труп в реку.

Чтобы его унесло течением, навстречу необъятным просторам Ботнического залива, чьи воды поглотили бы тело и предали его забвению.

Эйра выпрямилась, отгоняя наваждение. Сделала пометку в блокноте.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Очень давно.

– Он чем-нибудь болел?

– Мы не общались... Я ничего не знал.

Маленькие, глубоко посаженные глаза на круглом лице. Когда он смотрел на нее, то его взгляд задерживался где-то ниже ее подбородка. Мысль о том, что он пялится на ее грудь, чертовски ее раздражала.

– Нам нужно попасть в дом, – сказала Эйра. – Он не заперт?

И стремительно попятилась, когда дверца машины распахнулась. Ее напарник заметил движение и через мгновение был уже рядом с ней, но Улоф Хагстрём из машины не вышел. Только наклонился вперед и показал пальцем.

Круглый камень у порога, отличающийся от остальных камней. Эйра надела перчатки. Прятать ключ под камнем почти так же глупо, как совать его в кашпо на веранде или в ношеную тапку. Люди что, в самом деле думают, что грабители полные идиоты? Впрочем, и такое бывает.

– Что ты о нем думаешь? – тихо спросил напарник.

– Я пока ничего не думаю, – ответила Эйра и отперла входную дверь.

– Тьфу ты, вот гадость! – Стоило им войти, как Август тут же закрыл лицо рукой. Воняло собачьим дерьмом. Никакого чрезмерного скопления мух не наблюдалось, разве что ужасно много хлама на полу в прихожей: поставленные друг на друга ящики с газетами и бутылками, валяющиеся бензопила, газонокосилка, металлическая канистра и просто мусор. Эйра старалась дышать ртом – в конце концов, бывало и хуже. Однажды ей довелось иметь дело с трупом, который пролежал полгода, прежде чем его обнаружили.

Придя работать в полицию, она сталкивалась в основном с насилием, а не с одиночеством. Эта мысль больно уколола ее. Сколько еще таких домишек, чьи обитатели зачастую уходят на тот свет без всяких свидетелей.

Она сделала пару шагов по кухне, следя за тем, куда ставит ноги.

Псина все заляпала своими фекалиями. На полу – разгрызенные и распотрошенные упаковки с едой.

Эйра мечтала стать таким полицейским, который, осмотрев место преступления, способен интуитивно понять, что здесь произошло, но пока ей было до этого далеко. Она могла уповать лишь на свою тщательность и аккуратность. Наблюдать, заносить каждую мелочь в протокол, связывать одну деталь с другой.

Остатки кофе на дне чашки подернулись пленкой. Пустое блюдечко с крошками от съеденного бутерброда. Разложенная на кухонном столе газета датирована понедельником. То есть четыре дня назад. Последним, что читал в своей жизни Свен Хагстрём, была статья о взломах летних домиков в их округе. Подозревались несколько местных наркоманов, выпущенных на свободу после прохождения курса лечения. Ей было это известно, равно как и то, что пока газетчики строят догадки по поводу воровских шаек, прибывших к нам в страну из-за Балтийского моря, краденые вещи, скорее всего, хранятся в каком-нибудь сарайчике в Лу.

Когда же они двинулись в ванную, Август Энгельгардт старался держаться позади нее. Ничего, привыкнешь, подумала Эйра, и гораздо быстрее, чем думаешь.

Перед распахнутой дверью образовалось небольшое озерцо.

В том, что предстало их взору, было что-то неизъяснимо печальное. Мужчина выглядел таким незащищенным в своей наготе. Его белая кожа напоминала мрамор.

Еще до того, как Эйра прошлой зимой переехала жить обратно в свой родной Одален, ей пришлось иметь дело с трупом, который две недели пролежал в ванной одной из квартир в Блакеберге. Когда криминалисты дотронулись до него, кожа самостоятельно отделилась от тела.

– Разве нам не следует пригласить врача? – раздался голос Августа за спиной.

Она пропустила его вопрос мимо ушей. А ты что думал, парень, разве это не наша работа – выяснить, что здесь произошло, иначе зачем я тогда тут торчу, уткнувшись носом в труп нескольких суток давности? Вдыхаю трупный смрад и вонь разложения, которое началось, едва выключили воду.

Эйра осторожно повернула стул, на котором сидел старик. Один из тех стульчиков, которыми обычно пользуются в больницах, чтобы мыть под душем тех, кто на своих ногах не держится. Сталь и пластик. Отверстие в сиденье.

Стараясь рассмотреть живот и грудную клетку, она обогнула труп на полусогнутых. Крови не было, и все же рана была глубокой. Разрез поперек верхней части живота. Эйра могла различить края раны и видневшиеся внутри органы.

Приступ головокружения настиг ее, стоило ей выпрямиться.

– Что думаешь? – спросил напарник, когда они снова оказались в гостиной.

– Из того, что мне удалось разглядеть, только одна-единственная рана.

– Хочешь сказать, сработал профессионал?

– Пожалуй.

Эйра изучила входную дверь, но никаких видимых следов взлома не обнаружила.

– Думаешь, это сделал кто-то знакомый? – спросил Август и попятился к окну, из которого была видна подъездная дорожка и стоявшая на ней американская тачка. – Кто-то, кто мог запросто сюда войти. Следов взлома, судя по всему, нет, но, быть может, злоумышленник знал, где лежит ключ.

– Если это случилось в понедельник, – сказала Эйра, – то в тот день старик выходил из дома, чтобы забрать газету. После этого он мог оставить входную дверь незапертой. А замок в туалете легко открыть с помощью ножа или отвертки, если старик вообще его запирает. Впрочем, зачем ему это делать, если он жил один?

– Вот черт!

Август вылетел из гостиной в прихожую, а оттуда во двор. Эйра успела догнать его на крыльчке. Улофа Хагстрёма больше не было в машине. Дверца со стороны водителя стояла распахнутой.

– Я не увидел его в окно, – запыхавшись, объяснял напарник. – Смотрю, машина стоит пустая. Он не мог далеко уйти, только не с такими габаритами.

Разве они не просили соседей разойтись по домам? Как бы то ни было, Кьелль Стринневик не послушался, и теперь они были этому только рады. Старик стоял чуть подальше на дороге и при виде полицейских показал им вниз, на лес, тянувшийся в сторону реки.

– Куда он направился?

– Сказал, что ему нужно отлить.

Они обогнули дом, каждый со своей стороны. Улофа Хасгтрёма нигде не наблюдалось. За домом скала резко обрывалась вниз и дальше начинался лес, густой, светло-зеленый, еще совсем молодой лес, выросший здесь после вырубki примерно двадцатилетней давности, перемежку с зарослями малинника и иван-чая. Эйра на ходу вызвала подкрепление, пока они, спотыкаясь и соскальзывая, в спешке спускались со склона, огибая каменные глыбы и заросли.

– Мой косяк, – призналась Эйра. – Я сочла его не склонным к побегу.

– Зачем же тогда он дожидался нас, если хотел сбежать?

Эйра выругалась, когда ветка упавшего дерева больно оцарапала ей лодыжку.

– Добро пожаловать в реальный мир, – иронически откликнулась она. – Здесь не все поддается законам логики.

Сначала они увидели пса. Тот стоял позади березовой рощи, зайдя на несколько метров в воду. Следом мужчину. Он сидел на бревне на берегу реки, совершенно спокойно. Напарник Эйры шагнул напрямик сквозь метровые заросли крапивы. В небо с криком взмыло несколько чаек.

– Мы должны попросить вас следовать за нами, – строго обратился Август Энгельгардт к мужчине.

Улоф Хагстрём пустым взглядом смотрел на реку перед собой. Ветер морщил водную гладь, и отражавшееся в ней небо дробилось на мелкие осколки.

– Здесь раньше лежала выгашенная на берег лодка, – сказал он, – но теперь ее, конечно, уже нет.

– Нет, мама, сам по себе канун дня Середины лета был вчера, – в третий раз повторила Эйра, открывая крышку на банке с селедкой. – Ну а мы будем праздновать его сегодня, я же говорила!

– Да, да, не вижу особой разницы.

Эйра сорвала пластиковую оболочку с упаковки с ломтиками лосося, нарезала зеленого лука и накрыла на стол. Уговорами заставила свою маму сесть и начать мыть картошку. Сопричастность. Возможность заниматься привычными и хорошо знакомыми делами. Вот те вещи, которые нужны, чтобы крепко держаться за жизнь.

– А мы не мало накопили картошки? – обеспокоенно спросила Черстин Шьёдин. – Разве этого хватит на всех?

– Так ведь кроме нас больше никого не будет, – возразила Эйра и посмотрела в окно на заросшее сорняком картофельное поле и увядшую ботву. Она не стала говорить матери, что молодая картошка куплена в местном супермаркете.

– А как же Магнус? Дети?

Едва ли это правильно – завернуть реальную жизнь в вату и при встрече с прогрессирующей деменцией выдать ее за настоящую.

– Я пригласила его, – сказала Эйра, – но он не приедет. Магнус пока что не в форме.

Первая часть была ложью. Она не звонила своему брату. Остальное – чистая правда. Несколько недель назад она видела его мельком на центральной площади Крамфорса.

– Так, значит, он не привезет детей на выходные?

Энергичное шкрябанье ножом затихло. Мамин взгляд стал тяжелым и отрешенным. Руки безвольно упали в грязную воду, где мылся картофель.

– На эти – нет, – отрезала Эйра.

Их тени падали на стол, накрытый только для них двоих. Букетик из герани и лютиков выглядел так по-детски. Но ведь я-то здесь, хотела сказать Эйра, хотя и знала, что это вряд ли поможет.

– Помнишь Лину Ставред? – вместо этого спросила она, пока на плите закипала картошка, а они потихоньку с вороватым видом ели клубнику. Эйра открыла бутылки с пивом, низкоалкогольное для мамы и светлое для себя из новой фермерской пивоварни в Нассоме. Чего только не сделаешь ради смельчаков, которые решили отважиться открыть свое дело в их округе. – Ну ты знаешь, та девочка, что пропала.

– Нет, не знаю я...

– Да знаешь, мама. Это случилось летом 1996 года, ей тогда было всего шестнадцать. Все произошло неподалеку от деревни Мариeberg, на тропинке, что тянется вдоль русла реки, где еще стоит замок и находится склад бревен Мариebergской лесопилки, там еще душевая для рабочих была.

Она очень подробно расписала это место. Конкретно и со всеми деталями, представив его таким, каким мама знала его раньше, и сейчас могла опереться на эти самые воспоминания. Мамин отец, дедушка Эйры, в шестидесятые годы трудился на этой лесопилке, пока ее не закрыли, и мамин дом, в котором она выросла, находился неподалеку. Эйра вдруг осознала, что почти все, что есть у них в округе, можно охарактеризовать как старое или бывшее. Воспоминанием о том, что было здесь раньше.

– У тебя в поселке была подруга Унни, которая снимала квартиру в старом рабочем квартале, его еще в шутку прозвали «Огромным наслаждением». Я помню, она частенько гостила в нашем доме, потому что жила одна, и, когда это случилось, ночевала у нас.

– Да, да. Не знаю, что ты там себе вообразила, но я еще не настолько больна склерозом. Она потом оттуда переехала. Познакомилась в Сундсвалле с одним джазовым музыкантом, и поминай как звали. Когда же это было? Впрочем, ее можно понять – некоторым женщинам тяжело выживать в одиночку.

Черстин потыкала в картофелины зубочисткой. То, что надо, мягкие, но еще не разварившиеся, словно у мамы внутри был встроенный таймер. Как хорошо, что еще бывают такие моменты, подумала Эйра. Что в ее нынешней маме осталось еще многое от прежней Черстин.

– Так вот, тот четырнадцатилетний подросток, который это сделал, он вернулся в Кунгсгорден. Я его вчера видела.

– Ух ты. – Мама подавила куски сливочного масла о горячие картофелины и перемешала все со сливками, зачерпывая их чересчур много. Добавила селедки и лосося и с жадностью принялась запихивать еду в себя. Неумная прожорливость – одно из последствий заболевания деменцией. Может, она забыла, что уже ела несколько часов назад, или испугалась, что больше не получит пищи и скончается от голода. – Не понимаю, и как только таких выпускают.

– Ты знаешь Свена Хагстрёма?

В ответ – тишина. Долгое пережевывание.

– Как ты сказала?

– Отец Улофа Хагстрёма, убийцы Лины. Как оказалось, он никуда не уехал и все эти годы продолжал жить у себя в Кунгсгордене.

Черстин отодвинулась от стола и, привстав, принялась искать что-то в холодильнике.

– Я же помню, что поставила бутылку вот сюда, а теперь ее нет.

– Мама, – Эйра помахала в воздухе бутылкой с абсентом, которую они уже успели пригубить. Она налила еще.

– «Привет, Деды Морозы!»² – завопила Черстин и радостно взмахнула рюмкой.

² «Hej tomtegubbar!» – шведская застольная песня, под которую также дети водят хоровод на Рождество.

С болезнью цвет ее глаз начал меняться, особенно сильно это проявлялось в те моменты, когда она утрачивала связь с реальностью. Жившая в них синева бледнела, но стоило ей что-нибудь вспомнить, как глаза тут же ярко вспыхивали. Сейчас они были прямо-таки бирюзовыми.

– Свен Хагстрём был найден вчера мертвым, – сообщила Эйра. – Мне вот интересно, что он был за человек. Как меняются люди, когда узнают, что их собственный сын – убийца.

– Он приходился родственником Эмилю Хагстрёму?

– Не знаю, а кто это?

– Поэт! – Глаза матери сверкнули тем самым ярко-голубым цветом. На мгновение голос Черстин Шьёдин стал таким же властным, как и прежде, и в нем прозвучали знакомые нотки: «Да ведь это же очевидно! Как можно такого не знать!» – Даже если ты не читаешь книг, то все равно должна его знать.

Она потянулась к бутылке и налила себе еще рюмочку. Эйра отпила из своего бокала, чувствуя сильный соблазн сказать матери, что ничего подобного, она читает книги или, по крайней мере, слушает их, иногда, во время пробежек, и желательно в ускоренном темпе, чтобы они не казались такими чертовски скучными.

– Свен Хагстрём, – вместо этого повторила она и напонила себе основные факты, которые они с напарником разузнали накануне, пока ждали дежурного следователя. – Он родился в 1945 году, как и наш папа. В пятидесятые переехал с родителями в Кунгсгорден, так что, вполне вероятно, вы с ним пересекались. Он работал на сортировке бревен в Сандслоне, пока сплав по реке не прекратился. Несколько сезонов играл в составе команды по хоккею с мячом...

– Нет, я не знаю его. – Черстин снова, не жуя, проглотила целый кусок, закашлялась и аккуратно вытерла рот салфеткой. Беспокойная тревога во взгляде. – А твой отец и подавно. Никто из нас его не знал.

– Я была у него дома, – упорно гнула свое Эйра, сама толком не зная, чего она добивается своим безнадежным и чисто полицейским упрямством. Должно быть, все дело в раздражении из-за невозможности даже сейчас получить ответы на все свои вопросы, а еще в желании добиться реванша за все те годы, когда она была еще ребенком и взрослые ничего ей не рассказывали, а лишь отмалчивались да перешептывались о чем-то по углам. А если даже ей слегка и удавалось заглянуть за занавесу тайны, то потом все равно следовало как можно скорее о ней забыть.

– Я вот думаю, сколько же у него дома книг, почти целая стена ими забита. Должно быть, он брал их почитать в библиотечном автобусе. Ты ведь помнила всех жителей округа и знала, что им нравится читать. Загружая свой автобус, ты находила и брала с собой именно те книги, которые они хотели. Или, скажем, Гуннель Хагстрём, его жена. Они потом развелись. После убийства Лины, когда Улофа отослали прочь...

Эйру прервала трель телефона. Звонят с работы, наконец-то! Она схватила мобильный и вышла через кухонную дверь в сад. Занятая приготовлением праздничного обеда, она боролась с желанием позвонить и спросить. Первые двадцать четыре часа истекли, стандартный срок для задержания. И сейчас Улоф Хагстрём мог быть на свободе. Или же нет.

– Привет, – поздоровался Август Энгельгардт, – я тут подумал, что тебе, наверное, захочется узнать последние новости. Если ты не слишком ценишь свободное время.

– Он арестован?

– Вот-вот, я только что об этом узнал. Так что у нас есть три дня.

– У нас? – вырвалось у нее. Обычно убийства не залеживались у них под носом, их со скоростью ветра относил в Сундсвалль, где ими занимался отдел по расследованию особо тяжких преступлений. Вначале они, конечно, могли привлекать все ресурсы, какие только можно: дежурных, местную полицию, следователей по гражданским делам, даже стажеров, которые

могли работать сверхурочно, чтобы помочь уладить самые неотложные дела, но большая часть расследования переносилась на десять миль к югу, в каменный город на побережье. Эйра и сама сегодня утром какое-то время стояла и раздумывала на эту тему с телефоном в руках. Она как раз собиралась вызваться работать сверхурочно, когда на кухне раздался сигнал таймера и ей пришлось отбросить телефон в сторону и бежать доставать из духовки вестерботтенский пирог, а потом она увидела букет, который собрала мама, и не осмелилась отложить празднование Середины лета еще на день.

– Что-нибудь еще известно? – спросила она, плюхаясь в гамак.

Над головой заскрежетало. Она опустила ноги на землю, чтобы прекратить качание.

– Не больше вчерашнего, – сказал Август, – они ждут данные от операторов мобильной связи, с навигатора и дорожных камер, но для того, чтобы его задержать, улики более чем достаточно. В противном случае существует риск усложнить расследование, ведь он, как-никак, склонен к побегу.

– Он идет на контакт?

– Продолжает все отрицать. Завтра с утра его доставят в Сундсвалль и продолжат допрос там.

Это чтобы тот следователь, который станет его допрашивать, вечером вовремя вернулся домой, к семье и ужину, ехидно подумала Эйра.

Ей вспомнился Улоф Хагстрём, сидящий в тесной комнатке. Ощущение, что его массивное тело целиком заполнило собой все пространство, не покидало ее во время первого допроса, который она сама провела днем раньше.

Ее напряжение, вызванное осознанием того, что он совершил в прошлом. Одно дело – убийство, причиной которого может стать гнев или паника. Но изнасилование – это нечто совсем другое. Она не позволила себе поддаться на вызов, сквозивший в его взгляде, когда он, наконец, поднял голову и посмотрел на нее. Его дыхание. Здоровенные ручки, лежащие на столе. Взгляд Эйры зацепился за мощные наручные часы на запястье, аналоговые, со встроенным компасом и всевозможными примочками, из тех, что редко встретишь в последнее время. Она сидела и смотрела, как секундная стрелка описывает круг за кругом, в ожидании, пока он заговорит.

Допрос преследовал конкретную цель. Если бы подозреваемый начал с ходу признаваться в содеянном, то ей пришлось бы прервать его, пока он не успел наговорить слишком много, и подождать прибытия адвоката. Но в случае с Улофом Хагстрёмом подобных проблем не возникло. Он просто молчал, пока Эйра просвещала его по поводу его прав и объясняла, почему он здесь и в чем его подозревают. И следом один-единственный вопрос: каково его собственное отношение к случившемуся?

Его молчание она восприняла как беспричинное, на грани агрессии, а потому была вынуждена снова повторить свой вопрос. Ответом ей стало неразборчивое бормотание, словно он бубнил молитву.

Я этого не делал.

Я этого не делал.

Сколько же раз он это повторил?

– Спасибо, что позвонил, – сказала Эйра и прихлопнула комара, пировавшего на ее щиколотке.

Она немножко покачалась в гамаке. Прислушиваясь к скрипу металла и шороху ветра, к оживленному шуму, доносящемуся с чьей-то веранды. К маминому голосу в доме, слабому и взволнованному.

– Эй? Кто это там в саду?

Слова преследовали его. Голоса проникали в камеру, резали уши, особенно голос той женщины. Упрямый и назойливый, он словно хотел пустить в нем корни.

Покопаться в том, на что ей по большей части должно было наплевать.

Каково его собственное отношение к случившемуся?

Бла, бла, бла.

Улоф расхаживал туда-сюда по камере, пять шагов туда, пять шагов обратно, ни дать ни взять – зверь в клетке. Словно он вернулся назад в прошлое, хоть это и было очень давно. Тогда у него было больше, чем просто обычная камера, в месте, где содержались подростки вроде него, и все же разницы никакой. Еда так себе, котлета с пюре и подливкой. Ему не хватало воздуха, от царившей духоты он потел больше обычного. Дыра, откуда, как ему сказали, он мог брать воду, воняла мочой. Они хотели заставить его пить мочу. Утверждая, что он замочил собственного отца.

Как будто у него был отец.

Перед полицейским из Сундсвалля молчать было легче. Мужчины понимают толк в молчании. Они знают, что это черта сильных – не молоть языком попусту. Бессловесная битва на тему «кто сдастся первый». Возможность померяться с противником характером. Узнать, кто больше, кто сильнее, кто на что способен.

Улоф опять улегся на пол. Это было не слишком приятно, но уж лучше так. Койка оказалась для него слишком узкой. Он уставился в потолок. Перевел взгляд на лоскутик неба в окошке. Зажмурился и увидел старое тело отца перед собой. Сколько же лет прошло...

Вот отец вышел из душа и подошел к нему.

В моей семье не лгут. Разве я не учил тебя этому? Мужчина должен отвечать за свои поступки.

И следом оплеуха.

А ну говори правду, мелкий говнюк!

Звучавший в его голове отцовский голос был молодым и сильным, а не слабым и надтреснутым, какой бывает у стариков.

Они там, снаружи. Стоят и ждут тебя. Ты выйдешь к ним сам как мужчина или я должен тащить тебя за уши? Что? Сколько еще твоей матери придется краснеть за тебя? У тебя что, нет ног, чтобы ходить? А ну выметайся отсюда, ко всем чертям...

Мамин голос он совсем не помнил. В голове осталось воспоминание: он сидит на заднем сиденье какой-то машины и смотрит назад, на постепенно исчезающий вдаль дом. И не видит никого рядом с ним. Никто не вышел его проводить.

Улоф изо всех сил старался не закрывать глаза.

Облака быстро неслись по небу. Вон то похоже на космический корабль, а это на дракона или собаку. Что они сделали с псом? Застрелили, закрыли на какой-нибудь псарне? О машине он тоже думал. Она осталась стоять возле дома. Или, может, ее тоже забрали, как забрали его мобильный, водительские права и одежду, которая на нем была? Не хотелось думать о том, что скажет босс. И сколько раз он будет орать ему на автоответчик: «Куда ты подевал “Понтиак”, сукин сын?!» А может, он беспечно празднует день Середины лета, думая: «А, ладно, когда придет, тогда придет». Улоф всегда очень аккуратно перегонял тачки и поэтому имел хороший процент с выручки. И потом, он ни словом не обмолвился полиции о том, куда должна была быть доставлена машина, сказал только, что купил ее у частника в Харадсе. Чисто формально он являлся ее владельцем, пусть даже машина куплена не на его деньги.

Теперь его лишат всех рейдов. А ведь это была самая лучшая его работа, знай рули себе по дорогам в одиночку, куда лучше, чем горбатиться на складе или лесопилке. Там за ним постоянно кто-нибудь наблюдал, следовал по пятам, ругался и отдавал приказания таким тоном, что не хочешь, а допустишь где-нибудь промашку.

Наконец он закрыл глаза.

Скрипнула дверь камеры. Вошедший охранник ступил прямо на то место, где он лежал. Улоф откатился в сторону и приподнялся на локтях.

– Что на это раз?

Охранник, хорошо накачанный бритоголовый тип с мускулами, как у Шварценеггера, улыбнулся. Во всяком случае, очень было на это похоже. Пожалуй, он даже смеялся над ним. Впрочем, Улоф привык, что люди на него пялятся.

– Снимай одежду, – велел охранник.

– А что еще прикажете мне делать, бегать голышом в сортир? – Улоф одернул на себе футболку, которая была ему коротковата, равно как и спортивные штаны, которые полицейские откопали где-то в сарае, когда забирали его. Его собственные шмотки, разумеется, были переданы на экспертизу. Где их обнюхают и изучат под микроскопом. Он все спрашивал себя, обнаружат ли на них какую-нибудь кровь, чтобы засадить его. Сам-то он никакой крови не видел. А если она и была, то ее давно смыло водой.

Охранник продолжал стоять в дверях. Кажется, он еще что-то сказал.

– Что? – не расслышал Улоф.

– Я говорю, ты свободен, можешь идти.

В Болльстабруке произошла дорожная авария. Предположительно нетрезвый водитель не справился с управлением и на повороте к Уступу слетел с дороги. Поступило много разных сигналов, но все касались одного транспортного средства. Водитель снес ограждение, но, по счастью, не врезался в скалу. Побитый «Сааб», дымясь, стоял на обочине.

– Вот черт, ты ж сеструха Манге Шьёдина, – простонал мужик, когда его вытащили из машины.

Эйра слабо помнила его со времен гимназии. На год или два старше ее, он был одним из местных красавчиков. Сорвав огнетушитель, она поливала пеной дым, одновременно пытаясь припомнить, насколько далеко они заходили, лапая друг друга.

– Я домой ехал, – хныкал он, – меня в субботу девушка бросила, ну ты знаешь, как это бывает. Я думал, парни мне безалкогольного налили, клянусь, а тут этот чудик за рулем. Я ведь ему дорогу хотел уступить... Слушай, а прикольно звучит – уступить в Устуге, ха-ха!

Приборчик показал две целых ноль десятых промилле.

– Как там сейчас Манге, давненько его не видел. Ну, давай же, Эва, вспоминай, ты ж меня знаешь!

Пересев на заднее сиденье патрульной машины, Харанген продолжил бухтеть и бухтел всю дорогу до самого Крамфорса. Досталось всем: и коварным приятелям, и девушкам с феминистскими заскоками, и фирме, которая закрылась, лишив его работы. В общем, перечислил все беды, какие только могут свалиться на голову бедному невинному парню. К тому же расстояние до поворота было неправильно замерено, да-да, так что лучше разбирайтесь с Дорожным управлением, а не с ним.

– Нелегко, наверное, сажать своих старых друзей за решетку, – заметил Август Энгельгардт, когда они благополучно избавились от парня, отправив того под арест.

– Вовсе он мне не друг.

– Но такое, должно быть, постоянно случается, в подобных местах-то.

– Надо просто делать свою работу, и все, – ответила Эйра несколько более раздраженно, чем ей того хотелось. – Это не проблема, если ты профессионал.

Она попросила Августа составить рапорт, а сама с чашкой кофе уселась к компьютеру. Все равно он скоро отсюда смоеется. Месяца через три, прикинула Эйра, ну или, самое большее, через полгода.

В почте было два сообщения. Ее разыскивала некая Ингела Берг Хайдер, а еще с ней хотел переговорить Георг Георгссон, следователь из отдела по расследованию особо тяжких

преступлений. Эйра видела его сегодня мельком в коридоре, как раз перед тем, как поступил сигнал об аварии у Уступа. Два метра ростом, стремительные движения и сшитый точно по фигуре пиджак, свидетельствующий о том, что он прибыл из Сундсвалля.

– Коллега! Как хорошо, что мы встретились. Эва Шьёберг, верно?

При ее появлении он отложил газету. Рукопожатие получилось крепким и энергичным. Прежде они уже сталкивались, по меньшей мере, раза три, во время расследования поджога прошлой зимой и на какой-то конференции, где он выступал с докладом.

– Эйра, – поправила она. – Шьёдин.

– Понял. Имя и фамилия. Просто отлично, что ты сумела ко мне заглянуть.

Он уселся на край стола. Это была комната с голыми стенами и двумя ударопрочными цветочными горшками на подоконнике. Ни фотографий семьи, ни детских рисунков на стенах – таковы были безликие рабочие места для приезжавших сюда следователей. Она слышала, что в Сундсвалле все звали его не иначе, как просто ГГ.

– Ты проделала хорошую работу в пятницу. Вон какого мужика повязала, не какой-нибудь там сопляк.

– Спасибо, но нас было двое, – заметила Эйра.

– Выходит, если это не сын, подобно Эдипу, убил отца, то что же мы имеем? – ГГ ритмично постукивал шариковой ручкой по ладони, словно желая ускорить темп расследования. Должно быть, дня через два он освободится и вернется к себе домой, избавившись от немого одиночества в номере отеля «Крамм». Если он, конечно, не мотается туда-сюда каждый божий день. – Кое-кому хочется думать, что мы не придаем этому делу особого значения, – продолжил он. – Что мы слишком беспечно отпускаем на свободу подозреваемых и что пожилые люди в глубинке вовсе не наш приоритет.

– Насколько я понимаю, его даже рядом не было, когда это случилось.

Хоть Эйра и не была вовлечена в расследование, она слышала, почему прокурор решил освободить Улофа Хагстрёма. Речь шла не о сулящей заманчивые перспективы погрешности в несколько километров, а о расстоянии в добрых пятьдесят миль. Данные им показания полностью подтвердились специалистами.

Судя по предварительному заключению патологоанатома, Свен Хагстрём скончался где-то в понедельник. В это время Улоф находился у себя дома в Уппландс Бру, пригороде Стокгольма. Лишь в среду он сел на поезд и отправился на север Швеции, чтобы купить машину в Харадсе, что под Боденом. Речь шла о поездке продолжительностью восемнадцать часов, с различными пересадками. При этом присутствие Улофа Хагстрёма на каждом участке пути регистрировалось системой электронных терминалов для проверки билетов. Профессия следователя в наши дни – просто детская забава, как сказал бы один ее старый коллега, если бы не вышел на пенсию. То ли дело раньше, когда кондукторы вручную компостировали билеты и приходилось надеяться лишь на их память на лица.

Вдова, продавшая «Понтиак» через объявление на сайте купли-продажи, также опознала Улофа Хагстрёма. Этот день принес ей долгожданное облегчение. Бесплезная тачка, предназначенная для вождения по зимним дорогам, лишь занимала собой весь гараж, но теперь ее супруг скончался, а ведь даже «Файербёрд»³ не возьмешь с собой на небеса.

По дорожным видеокамерам на трассе Е4 они смогли проследить его путь обратно на юг, до самой Доксты. Единственная вышка сотовой связи в коммуне Крамфорс зафиксировала сигнал телефона, лишь когда Улоф Хагстрём оказался рядом с домом, где провел свое детство. Это случилось около полуночи, в ночь на пятницу, почти четверо суток спустя после того, как скончался его отец.

³ Firebird (англ.) – «феникс».

– Ты там была, какое у тебя сложилось о нем впечатление? Мог ли он это сделать?

– Кажется, ничего такого я в нем не заметила, – осторожно проговорила Эйра.

– Ты так молода, – вздохнул ГГ, – но уже успела навидаться всякого. Мы-то с тобой знаем, что в окружении жертвы почти всегда есть кто-то, кто желает ей смерти. Семья – чертовски опасное место.

Эйра выбирала между двумя возможными ответами. Согласиться или поспорить. Сделать поспешные выводы, что не слишком профессионально, или все же сперва подумать. А ведь было еще подозрение, которое она держала при себе, радея за свою репутацию.

– Ничего, – проговорила она.

– Прости?

– Ты спросил, что еще у нас есть, если это сделал не Улоф Хагстрём. Так вот, после всего, что мне довелось узнать, почти ничего. Возможные следы смыло водой. Несколько неустановленных отпечатков пальцев в различных частях дома. Никакого орудия убийства, но, судя по заключению патологоанатома, речь идет о крепком ноже с лезвием длиной примерно сто десять миллиметров. Возможно, охотничий нож, из тех, что есть почти у каждого в здешних краях.

– Включая Свена Хагстрёма, – заметил ГГ. – Но его нож лежал в надежном месте, в запертом оружейном шкафу под лестницей.

В том, как следователь постоянно бросал взгляды то на окно, то в коридор, чувствовалась какая-то непоседливость.

– И ни одного свидетеля, – продолжила Эйра, – но, с другой стороны, это же Одален. Здешние жители предпочитают держать все в себе и никогда не пойдут на контакт с полицейскими, особенно с теми, кто не местный.

ГГ чуть приподнял брови. Казалось, он улыбается, хотя его рот оставался неподвижен. Он был как минимум на двадцать лет старше Эйры, но все равно казался привлекательным на свой самоуверенный и довольно-таки раздражающий манер.

– Это мог быть и кухонный нож тоже, – заметил ГГ. – Хорошо наточенный, из качественной стали.

– Я хотела бы помочь вести расследование, – призналась Эйра.

Никто не имел права лишать ее заката. И вечернего купания в реке у того места на берегу, которое дети считали своим секретным, тоже.

Поэтому Софи Ньюдален взяла полотенце и несессер, как она всегда это делала, когда дети, наигравшись, затихали перед телевизором за просмотром мультика, а родители мужа уходили к себе. Она поцеловала Патрика, который сидел, склонившись над компьютером, и ни словом не обмолвилась ему о своих страхах.

– Значит, мне нельзя с тобой пойти?

– Дорогой, – засмеялась Софи, – неужто ты полезешь в воду, при семнадцати градусах-то?

Смех помогал им жить, даже если это было непросто. Ее муж был таким смелым и в то же время панически боялся купаться. Патрик положил ладонь ей на талию, словно хотел удержать ее.

– Я другое имел в виду. Может, стоит пойти вместе после того, что случилось?

– Да ладно! Что там может быть опасного? Ведь все уже закончилось.

Софи избрала привычный короткий путь, напрямик через лес. Она не поддастся своим страхам, вот еще. Боязнь темноты – иррациональна. Это просто ребяческие фантазии, воображаемые призраки, которые таятся по темным углам. К тому же темно все равно не будет. Свет лишь успокаивался и приобретал другие тона, ласково мерцая по вечерам.

Она едва слышала свои шаги по мягкому мху.

Для меня лес – самое надежное место, сказал ей однажды Патрик во время их первого совместного лета здесь, когда ему хотелось разделить с ней все, что было ему дорого.

Природу. Реку. Просторы.

И лес. Прежде всего, лес. Огромный, местами совершенно непролазный. Тропинки, которые ей никогда не удавалось найти, но которые помнило его тело. Поседевшие стволы деревьев, заставлявшие ее задуматься о старости.

Лес не желает тебе зла. Он защитит тебя. А случись оказаться рядом медведю или кому-то еще, лес предупредит тебя. Об угрозе даст знать листва, сухие сучья под ногами, птицы и мелкие зверушки, стоит только хорошенько прислушаться, и лес расскажет тебе все.

Неужели здесь и впрямь водятся медведи?

Долгое время эти косматые зверюги чудились ей в глубине чащи за деревьями, стоило ей выйти из дома.

Но Патрик сказал, что, согласно статистике, шляться в одиночку по городским улицам в сто раз опаснее.

Или быть замужем за мужчиной, пошутила Софи.

После этого они занимались любовью. В лесу, под деревьями, на мягком упругом мхе. Ей хотелось думать, что именно тогда она забеременела Лукасом.

Вполне естественно, что сейчас, оказавшись на берегу, она огляделась чуть более внимательно, прежде чем снять с себя платье. После чего скользнула в воду. Все исчезло, осталось только ее тело, рассекавшее гладь реки, и глубина под ней. Какие-то черные птицы парили в вышине, галки или, может, вороны. Шум моторной лодки вдалеке, одинокий домик на другой стороне бухты.

Она сделала небольшой круг и вернулась обратно, туда, где под ногами ощущались песок и глина. Стоя почти у самого берега, нанесла на волосы шампунь, стараясь уловить ощущение чистоты и свободы. В обычных обстоятельствах она сделала бы круг по всей бухте. Но сейчас только окунулась разок у берега, прополоскала как следует волосы и скорее, чем ей того хотелось, насухо вытерлась полотенцем.

Лес показался ей темнее, когда она шла обратно. Хрустнула ветка, завозилась в листве птица. В окрестностях остался страх, присутствие зла. Свежие, поваленные с корнем деревья неожиданно возникали то здесь, то там, словно крики из недр земли. Она злилась на себя за то, что позволила себе поддаться страхам.

Софи не нравилось чувствовать себя слабой или испуганной. Поэтому она остановилась, как она обычно это делала, на своем любимом месте, чтобы сфотографировать закат. Там, где за скалами догорало небо и, убегая лентой на северо-запад, исчезала река. Один и тот же кусочек мира, вечер за вечером, в течение всего лета, и все же у нее ни разу не получилось два совершенно одинаковых снимка. Потому что пейзаж не стоял на месте, он постоянно менялся, вместе со светом, облаками и временем. В этом было что-то мимолетное и в то же время утешительное.

Место это находилось неподалеку от дома Свена Хагстрёма. Заградительную ленту уже убрали. Софи различила убогий домик внизу. Жестяная крыша, над которой до сих пор торчала устаревшая телевизионная антенна. Веранда у задней стороны и то, что она приняла за окно его спальни. Она представила себе этого старика, который жил там одинокой однообразной жизнью, за этими наполовину задернутыми занавесками. Этот абсолютный покой, присущий смерти. Один остался, другого больше нет на свете. Мысли о том, что могло произойти.

Если бы не, если бы не.

Если бы Патрик не действовал так быстро и правильно, если бы этому больному на всю голову сыну удалось спокойно скрыться...

Мысли о том, что все это случилось здесь, в непосредственной близости от них.

Солнце тонуло за лесом.

Мы больше не будем думать об этом, сказали они друг другу, ведь все закончилось. И закончилось хорошо.

Одна занавеска колыхнулась или ей только показалось? Должно быть, в доме осталось незакрытым какое-нибудь окно. Софи подумала, что со стороны полиции это просто разгильдяйство, что они не проверили дом, прежде чем его покинуть. Занавеска, кажется, снова шевельнулась. Страх вцепился в нее мертвой хваткой, и она ничего не могла с ним поделать. Это дух его бродит, подумала Софи, хотя она ни за что не заговорила бы об этом со своим мужем. О необъяснимом. О том, что остается от нас после смерти.

Свет изнутри. Какая-то тень. Движение.

И следом что-то еще. Тьма, внезапно заполнившая собой весь оконный проем. Софи подняла телефон. Ей было трудно навести резкость, в неверном вечернем свете картинка получилась немного размытой, но позже, когда она спустилась вниз по камням и бегом преодолела последний оставшийся до дома отрезок пути, она снова и снова доставала телефон и смотрела на этот снимок. Она действительно увидела то, что думала, – в доме Хагстрёма кто-то был. Как ни странно, этот факт ее несколько успокоил. Софи ничего не придумала, это не было плодом ее растерянности или кратковременного помутнения разума. Ее муж согласился с ней, когда она показала ему фотографию, и они сошлись во мнении: до чего же это отвратительно, что полиция отпускает таких людей. Софи лежала в объятиях Патрика, он гладил ее по волосам и целовал, а она все больше холодела изнутри. Нет, это не она сошла с ума, а мир, в котором они живут.

– Вот, казалось бы, деревня, – начал Георг Георгссон и махнул рукой, отчего дым от его сигареты поплыл над дворами, над лесами. – Все встают с петухами. Выпьют кофе в шесть часов утра, выглянут в окошко, поглядят, что там да как – ничто не останется незамеченным.

– Сейчас уже мало у кого есть куры, – заметила Эйра.

– Все равно. Привычки, обязанности. То, что уже заложено в крови. Так какого же дьявола никто ничего не видел и не слышал?

Они как раз вышли из третьего по счету дома, ближайшего к проселочной дороге, где жил Кьелль Стринневик. Разумеется, всех соседей умершего уже один раз опрашивали, но кто знает, вдруг кто еще что вспомнит.

Но нет, больше никто ничего не вспомнил.

Зато теперь им стало больше известно о предполагаемом времени смерти.

Свен Хагстрём принимал душ по утрам в двадцать минут восьмого. Компьютеризованная система водоснабжения Крамфорса точно замерила расход воды.

Обычно жертва потребляла примерно шестьдесят литров воды за утро, что соответствовало пяти минутам пребывания в душе. В тот день и последующие за ним расход достиг небывалой величины.

Кьелль Стринневик утверждал, что его сосед всегда забирал газету в одно и то же время, около шести утра.

Сам-то он всегда просыпается и встает до шести. В последний раз ему довелось проспать аж в тысяча девятьсот семьдесят втором году.

Но слышал ли он что-нибудь необычное? Видел ли в деревне какую-нибудь незнакомую машину около семи утра?

Нет, не слышал и не видел.

– Должно быть, это идеальное время, – заключила Эйра, когда они вышли от Стринне-вика и стояли на дороге, откуда были видны почтовые ящики и съезд на шоссе. – Люди чаще обращают внимание на незнакомые тачки по вечерам. Дозорные из местных ездят по округе, они нам такие вещи постоянно докладывают. По утрам же все спокойно, поэтому никто ни о чем не волнуется.

– Думаешь, это было спланировано? – спросил ГГ.

– Я вот все думаю насчет собаки, – задумчиво проговорила Эйра. – Он или она почти наверняка должен был иметь при себе что-нибудь съестное, чтобы отвлечь пса, иначе бы его лай привлек внимание Хагстрёма и заставил бы того действовать. А еще есть входная дверь. Конечно, она могла остаться незапертой после того, как жертва забрала газету, но она была заперта, когда приехал сын. Вопрос в том, знал ли он или она про тайник под камнем.

– Оно, – подсказал ГГ.

– Что, прости?

– Тебе не обязательно все время говорить «он или она».

– Да, да, понятно, – рассеянно откликнулась Эйра и, уткнувшись в свои записи, погрузилась в раздумья, перебирая в уме похожие случаи.

ГГ посмотрел вверх, на лесную дорогу, туда, где она исчезала за поворотом.

– Убивавший прежде сын вернулся снова. Если ты спросишь меня, я скажу, что это больше, чем просто случайность.

– Думаешь, мы должны поехать и поговорить с ним?

Они все утро кружили вокруг этого места, стараясь поменьше попадаться на глаза местным жителям. А все потому, что Улоф Хагстрём вернулся в родительский дом. Люди видели, как он делал покупки в Нюланде и мылся вечером на берегу реки. Он мелькал в окнах отцовского дома, и многим это страшно не нравилось. Соседи недоумевали, почему его отпустили, выражая при этом шумное неодобрение, беспокойство или же самую настоящую, ничем не замутненную злость.

– Не сейчас, – ответил ГГ. – Мы сами вызовем его к себе и разрушим его алиби. Сейчас идет проверка записей с видеокамер, расположенных на других дорогах. Мы прочедем всю округу, пока не найдем кого-нибудь, кто видел его здесь в понедельник, кто сможет подтвердить, что его отцу угрожали. Что угодно.

ГГ даже в Стокгольм людей отправил, чтобы те порасспрашивали там соседей Хагстрёма – вдруг кто-нибудь видел, как он уезжал. Малейшей зацепки будет достаточно.

– Мы поедем и поговорим с ним, когда у нас на руках будет больше фактов, – сказал Георгссон.

– Если он там еще будет, – заметила Эйра.

– Где бы он ни был, мы найдем его.

Чисто теоретически существовала еще одна возможность. Ее высказал на утреннем совещании один из участников следственной группы, большую часть которой составляли сотрудники из Сундсвалля.

Улоф Хагстрём мог оставить свой мобильный дома.

Выехать в ночь на понедельник, прикончить папашу и вернуться обратно, чтобы потом, два дня спустя, сесть на поезд с включенным телефоном и обставить все так, словно он обнаружил своего родителя мертвым случайно.

Слишком сложно, да, но это объяснило бы, почему после двадцатитрехлетнего отсутствия в доме полно отпечатков пальцев Улофа Хагстрёма.

ГГ раздавил окурочку каблук. «Все, бросаю курить», – сказал он Эйре, когда несколько часов назад закурил первую. Это было обещание, которое он дал своей новой пассии.

– Есть здесь где-нибудь место, где можно прилично пообедать?

Только они устроились в ресторане рядом с винокурней «Хай Коуст Виски», с чарующим видом на реку и синеющие горы вдаль, как у Эйры зазвонил мобильный. Она вышла на террасу. Новое предприятие по производству виски находилось не совсем на побережье, как это могло бы явствовать из названия, но «Высокий берег» красиво перекликалось с красотами местной природы и статусом объекта мирового наследия. Одален же больше ассоциировался

с забастовками, коммунистами и армией, которая стреляла в рабочих, что для бизнеса было куда менее выгодным.

Название «Высокий берег» носил даже местный аэропорт, хотя там моря сроду никто не видел.

Женский голос на другом конце. Глубокий и одновременно слегка срывающийся от волнения. Собеседница представилась как Ингела Берг Хайдер.

– Как хорошо, что вы позвонили! – обрадовалась Эйра, которая на протяжении вчерашнего дня несколько раз пыталась до нее дозвониться.

– Я звоню, чтобы узнать про похороны и выяснить, как вообще поступают в таких случаях. – Голос женщины звучал несколько отстраненно. Должно быть, она до сих пор в шоке, решила Эйра и не спеша начала рассказывать – ей было не понаслышке известно, каково это, когда твой отец уходит из жизни. Ты словно повисаешь в пустоте, без опоры под ногами.

Ингела Берг Хайдер являлась дочерью покойного и сестрой Улофа. Она была на три года старше своего брата, и это она загорала на лужайке перед домом, когда Эйра с подружкой прятались в кустах. Тогда ее еще звали Ингелой Хагстрём, ей было семнадцать лет, и она имела грудь, наушники, бикини с леопардовым принтом и коротко стриженные волосы. Она была крутой. Она была такой, какой мечтают стать все девчонки в девять лет. Хотя они, конечно, не мечтают стать сестрой убийцы.

Эйра объяснила, что на данный момент тело ее отца находится на судмедэкспертизе в Умео и что его продержат там еще несколько дней, а то и недель.

– Я хочу только, чтобы все было по закону, – сказала Ингела Хайдер.

– Что вы знаете о случившемся?

– Мне позвонил какой-то полицейский и сказал, что мой отец мертв. Я читаю газеты. Еще какой-то полицейский пытался разыскать меня на работе, но я потеряла его номер телефона. А потом заглянула на домашнюю страницу сайта полиции, и мне показалось, что я узнала ваше имя. У вас случайно нет брата?

Недавно отстроенный под открытым небом ресторанчик еще пах скипидаром, возвышаясь над землей, словно залитая солнцем палуба корабля. Чуть поодаль находилась старая гидроэлектростанция, на которой, собственно, и производили дистилляцию.

Судя по персональным данным, Ингеле Берг Хайдер было сорок лет и она работала бильд-продюсером на Шведском телевидении. Замужем, имеет дочь двенадцати лет, проживает на Шведенборгсгатан в районе Сёдермальм. Эйра представила себе каменный дом, выстроенный на рубеже прошлых веков, престижный квартал рядом с площадью Мариаторгет. Подумала о входной двери и о прибитой к ней латунной табличке, на которой значатся две фамилии, «Берг» и «Хайдер», и ни намек на «Хагстрём».

– Когда вы в последний раз разговаривали со своим отцом?

– Я не виделась с ним уже много лет.

– Вы поддерживали связь со своим братом?

– А вы бы стали это делать, если бы это был ваш брат? – вопросом на вопрос ответила Ингела Берг Хайдер.

Эйра почувствовала, как на нее упало несколько капель дождя. Река потускнела, стала серебристо-серой. Эйра перебралась под крышу.

– Нам необходимо как можно больше узнать о том, как жил ваш отец в последнее время, – объяснила она. – Вы случайно не знаете кого-нибудь еще, кто находился с ним в близких отношениях?

– Нет.

– Может быть, друг детства или старый товарищ по работе...

– Понятия не имею. Я слиняла оттуда, когда мне было семнадцать лет, спустя три месяца после тех событий. С отцом и прежде было трудно ладить, но после случившегося он оконча-

тельно утратил контроль над собой. Выпивка, припадки ярости и прочее. Единственное, что меня всегда терзало, это то, что я сбежала и бросила там маму. Прошло два года, прежде чем ей удалось с ним развестись. Ее не стало только в прошлом году. Она умерла от рака, и я в какой-то мере даже рада, что она не застала всего этого.

Когда Эйра вернулась обратно за столик, ГГ уже покончил со своим лососем и теперь сидел, погрузившись в изучение списка, с бокалом виски в руке.

– Наверное, еще рановато для дегустации, что скажешь?

Эйра пересказала ему содержание разговора, который по сути ничего им не давал. Трудноуловимый неприятный осадок. Во многом из того, что говорила Ингела Берг Хайдер, угадывался агрессивный подтекст и в то же время что-то очень прохладное, словно все это ее не касалось.

– Хорошо бы хоть на время отдохнуть от вспылчивых соседей, по крайней мере пока мы перевариваем еду, – сказал ГГ, когда они шагали к машине.

– Как насчет старого товарища по работе из Сандслона? – предложила Эйра.

– Вот бы еще его имя знать!

Список людей, которые могли хорошо знать Свена Хагстрёма, оказался совсем коротким. И на редкость неопределенным. Но поскольку ничего другого у них не было, приходилось иметь дело с тем, что есть.

Эйра разыскала в своем смартфоне запись разговора с Кьеллем Стринневиком и промотала ближе к концу, к тому месту, где она пыталась заставить его вспомнить что-нибудь еще – хоть кого-нибудь, кто знал Свена Хагстрёма. В общем, что угодно, пусть даже это было очень давно.

«...несколько лет назад его навещал один старый товарищ по работе с сортировки бревен, но Хагстрём ему не открыл. Тогда старик постучался ко мне, спросил, может, чего случилось. Вдруг Свен заболел. Ведь машина же на месте. Они хотели позвать его отметить чей-то юбилей, но Свен не ответил на приглашение.

Как же его звали-то, а? Он сказал, что живет в Сандслоне. Вот видите, такие вещи помню, а вот имя... Имен так много...

Вспомнил!

Рулле!»

Эйра задом выехала с парковки.

– Рулле из Сандслона, – проговорила она. – Да это ничем не хуже нормального адреса!

ГГ рассмеялся.

– Я уже говорил, что просто обожаю сельскую глубинку?

Сандслон был сонной идиллией, протянувшейся вдоль берега реки. Узкая пойма и небольшой мостик отделяли деревушку от острова, где находилась сортировочная установка. Во времена сплавки леса на сортировке бревен работали семьсот человек, и река кипела от бревен, которые проводили через сортировочный коридор, прежде чем отправить их дальше на лесопилку или бумажный комбинат. Когда-то в Сандслоне было три продуктовых магазина и команда по хоккею на траве, выступавшая в Высшей лиге страны, но все это осталось в прошлом.

Одинокий, похожий на жука-переростка робот-газонокосильщик медленно двигался по участку. Мимо по реке скользили две байдарки. В первом доме им открыл рисовальщик комиксов, который вырос в Болльстабруке и совсем недавно переехал сюда из Стокгольма. Он знать не знал никакого Рулле, но зато вдова вон в том желтом доме, показал он, живет в Сандслоне с незапамятных времен.

Пока ГГ делал несколько звонков, Эйра двинулась к следующему дому. Она старалась разговаривать со всеми очень коротко, но вежливо.

Женщине было восемьдесят три года. Она тут же села, едва открыв Эйре дверь – что-то со спиной, но это должно пройти.

Рулле! Рулле Маттссон! Ну, конечно же, она его знает!

Они вместе работали на сортировке бревен. Она начала там трудиться, когда процесс механизировали, и оказалось, что молодые женщины лучше всего подходят для этой работы. Здесь покоится черный стриж, вот что она написала бы на своей могильной плите. Так называли тех, кто работал на диспетчерской вышке, что до сих пор стоит на реке. Новая техника требовала аккуратности и постоянного надзора, и, пожалуй, проворных пальцев, зато им уже не нужно было бегать по бревнам, что было смертельно опасно. Стоило провалиться между ними, и все – поминай как звали. У нее был дядя, который именно так и погиб.

Свен Хагстрём?

Да, пожалуй, она слышала это имя и все те ужасы, которые тут про него болтали, но вот его самого она не помнит. Людей, с которыми тебя ничего не связывало, легко забыть. Лица расплываются, словно нарисованные акварельной краской, а с именами и того хуже. Но вот Рулле Маттссон – другое дело, он живет через три дома – «вон в той бревенчатой избушке, перед которой батут стоит».

Эйра нашла ГГ у машины, где он наслаждался еще одной последней сигаретой и выяснял, что нового у коллег из следственной группы в Сундсвалле. По большей части их работа сводилась к тому, что они сидели в управлении, просматривая списки звонков и изучая данные, полученные от криминалистов. Следователям не нужно было допоздна задерживаться на работе, по вечерам они спокойно ужинали дома с семьей, а в случае чего могли позволить себе целых два часа добираться до места происшествия.

– Улоф Хагстрём звонил, – сообщил ГГ, когда они подошли к бревенчатому домику. Дождевые тучи сюда не добрались, решив последовать другой дорогой, и асфальт был сухим.

– Что он хотел?

– Узнать, куда мы дели пса. И еще, кажется, подтвердилось, что отец и сын не общались друг с другом. Свен Хагстрём пользовался только своим стационарным телефоном, чтобы жаловаться властям на состояние местных дорог, не считая нескольких звонков в библиотеку и еще пары звонков вам в участок.

– Нам-то он зачем звонил?

– Звонки не зарегистрированы, – сообщил ГГ, – разговор длился меньше минуты. Кажется, он хотел о чем-то заявить, а потом передумал.

– У него не было мобильного телефона?

– Во всяком случае, мы ничего не нашли.

Рулле Маттссон был во дворе и подстригал траву, орудуя ручным триммером старой модели. Голый торс, жилистые руки.

Когда он опустился на садовую скамью, с него градом лил пот.

Он попросил Эйру сходить в дом и принести пива или чая, если полицейские не откажутся с ним выпить, в противном случае можно поискать сока в кладовке.

Дом вовсе не походил на обиталище одинокого старика, который тоскливо коротает свои последние деньки на этом свете. Скорее наоборот. Внутри все было тщательно обустроено и прибрано и пахло чем-то уютным. На кухонном столе те же пышные пионы, что и на клумбе снаружи. Эйра вспомнила, что в народе их называют «розами для бедных».

– Докатались, – проворчал Рулле Маттссон, сделав несколько глотков. – И у кого только на старика рука поднялась? Это что ж выходит, теперь даже в собственном доме нельзя чувствовать себя в безопасности?

Свена Хагстрёма он знал с пятидесятых годов, по работе, профсоюзу и хоккейной команде. Свен даже помогал ему таскать бревна, из которых на участке, доставшемся Рулле

при дележе земли родителей, был построен этот самый дом, древесина самого худшего сорта, какую им удалось купить по дешевке, но тогда на это никто не обращал внимания. Зато дом до сих пор крепко стоит и дал крышу над головой четверем детишкам и жене, которая сейчас живет в Бьяртро.

На этих словах лицо старика омрачилось, но он тут же снова улыбнулся.

– Сорок семь счастливых лет. Пожалуй, больше, чем выпадает на долю большинства отцов.

Сам он оказался на лесопилке в Болльста, когда сплав леса прекратился и конторские крысы свалили отсюда вместе с последней партией бревен. Свен Хагстрём продолжил работать в лесу. В последние годы старые товарищи по работе не слишком часто пересекались. Фактически их общение прекратилось после того ужасного случая с его сыном и девочкой Линой. С годами Свен растерял свою оставшуюся семью и остался совсем один.

– Что-то ломается в человеке. В смысле, когда с ним такое происходит. – И Рулле Маттссон махнул бутылкой в сторону сада и леса в отдалении.

– Свен говорил о своем сыне?

– Никогда. Как будто его и не существовало. Я ведь помню Улофа еще ребенком, он играл с моими мальчиками. Но я никогда не замечал в нем ничего такого. Он был неуклюжим и мог ударить, как это делают мальчишки, и отводил взгляд, когда взрослые смотрели ему прямо в глаза, но я всегда считал его самым обычным парнишкой.

Рулле Маттссон проглотил остатки пива. Несколько назойливых ос кружились вокруг них, одна даже заползла в пустую бутылку.

– Неужто и впрямь это сын сделал? Как по-вашему?

– Мы не знаем, что произошло, – ответил ГГ, – но именно это мы и пытаемся узнать.

– А кто еще мог желать Свену зла?

– А Улоф желал зла своему отцу?

– Не то чтобы Свен когда-либо упоминал о чем-то подобном... Но все же нетрудно догадаться, если подумать. Выгнать из дома собственного сына и отправить его черт знает куда. А ведь он был еще ребенком. Так я порой думаю, хотя, конечно, я никогда не говорил об этом Свену. Нельзя вот так просто взять и перестать быть отцом родному сыну. Не знаю, как вы разбираетесь с этим делом у себя в Сундсвалле, но до нас дошло, что ваши парни ходят по округе и беседуют по душам.

– Случается, – отозвался ГГ.

Рулле Маттссон откупорил еще одну бутылку светлого.

– Это молчание, будь оно неладно, привычка держать все внутри себя. Смотрите, если увидите, что кто-то недоволен морщит брови, это может означать, что этот кто-то чертовски зол.

Они по очереди задавали ему другие вопросы, о том, с кем еще общался Свен Хагстрём и что сам Рулле Маттссон делал в то утро.

В это время у него гостили внуки, это нетрудно проверить – «если вы, конечно, готовы положиться на показания двух карапузов трех и пяти лет». Кажется, они смотрели мультфильм про Петтссона и Финдуса и ели на завтрак овсяные хлопья с шоколадом. А еще Рулле вспомнил, что лет семь-восемь назад Свен Хагстрём столовался у одной вдовы в Сёрвикене, которая торговала разными старыми вещами.

– Может, она и заставила его разоткровенничаться, женщины они ведь такие.

– Столовался?

Рулле рассмеялся.

– Между ними, как у людей одиноких, существовала своего рода договоренность. Мужик приезжает к бабе, та потчует его домашней едой, он помогает ей с чем-нибудь по хозяйству, где требуется мужская сила, потом они вместе приятно проводят время, после чего он уезжает к

себе обратно домой. Никто не остается на ночь, не лезет друг другу в душу и не грузит своими проблемами.

Эйре показалось, что старик искоса бросил взгляд в сторону дома, в который она совсем недавно стучалась. Вдова, сравнивающая людей с акварельными красками. Улыбка, сквозящая в его голосе.

– Просто сказка, – одобрил ГГ.

– Однако меня поражало, – продолжал делиться Рулле Маттссон, – что Свен и о своей дочери тоже ничего не рассказывал, после того как она сбежала из дома. Я ведь помню ее, маленькая дерзкая девчонка, настоящая бунтарка. Не знаю, что с ней потом стало. Сам-то я постоянно хвастаюсь успехами моих детей.

– Еще бы, ведь каждый ребенок – гений, – поддакнул ГГ.

– Она живет в Стокгольме и работает на телевидении, и у нее есть дочь, – сообщила Эйра.

Рулле поймал рукой осу и отшвырнул в сторону. Сбитая с толку, та растерянно полетела прочь.

– Но тогда почему он мне ничего об этом не сказал?

– У тебя есть дети? – спросил ГГ, когда они покидали Сандслон.

– Пока нет, – ответила Эйра.

– Но ведь тебе уже за тридцать?

– Гхм.

– Не жалеешь?

– Им что, обязательно надо выезжать на дорогу? – Эйра притормозила, пропуская маленькую девочку, которая вырулила на велике с проселка и, неуверенно держась в седле, проехала довольно длинный отрезок пути по шоссе. – Нет, – сказала она следом. – Не жалею.

– Я просто так подумал, потому что моя девушка, она примерно твоего возраста... Я ведь сначала точно знал, что больше не хочу иметь детей, но когда у нас с ней завертелось, оказалось, что она вовсе не теряет надежд их завести. И вот тут я уже сам оказался перед выбором.

Эйра остановилась у опоры моста Хаммарсбру на пересечении двух дорог. Если бы рядом с ней сейчас сидел ее молодой коллега из Стокгольма, она бы велела ему оставить разговоры про личную жизнь дома и сфокусироваться на работе.

– Ну что, продолжим дальше опрашивать соседей? – вместо этого спросила она.

ГГ пробежался по списку.

– Нюдалены, – проговорил он. – Их сын Патрик задержал Улофа и оставил свидетельские показания, но вот родителей мы опрашивали только один раз. Все как обычно. Ничего не видели, ничего не слышали.

Он вздохнул.

– А еще этот Патрик звонил нам и допытывался, какие меры мы собираемся предпринять для защиты его семьи. Раз Улоф Хагстрём теперь снова на свободе.

Эйра притормозила у знака остановки, пропуская немецкий автофургон с жилым прицепом, направлявшийся из Соллефтео в сторону побережья. Она напонила себе связаться с окружной полицией в Емтланде, если этого еще никто не сделал. На тот случай, если в их краях тоже случались взломы с отягчающими обстоятельствами, или какие-нибудь известные грабители только что отмотали срок и вышли на свободу или пребывали в краткосрочном отпуске. Они проверяли информацию только по своему округу, но ведь до соседнего всего десять миль вглубь страны, где горы и обширные пастбища. А там недалеко и до границы с Норвегией. Такого варианта тоже нельзя было исключить. Либо Хагстрём внезапно вышел из душа и застал грабителей врасплох, либо они столкнулись с новой разновидностью воров, отличной от обычной. Эйра припомнила подробности из протокола осмотра места происшествия и то, что она сама заметила в доме. На первый взгляд ничего не пропало. Телевизор и радио на месте, старая

безделушка в виде фигурки толстяка тоже. А еще несколько красивых старинных барометров и компасов, фарфор и картины. В общем, все то, что местные грабители обычно грузят скопом в машину, а потом стараются толкнуть не слишком разборчивым покупателям на барахолках.

– На самом деле я не планировал начинать все сначала, – ГГ по-прежнему пребывал на своей волне. – У меня уже есть взрослые дети, а осенью я даже стану дедушкой, но тут я вдруг понял, что это как второй шанс, который не всегда дается тебе в жизни.

Эйра свернула в сторону, пропуская груженный бревнами лесовоз, и попыталась придумать, что сказать в ответ. Что люди непостоянны, говорят одно, а думают другое, и что ты можешь оказаться втянут в нечто совсем отличное от того, о чем мечтал сам. Этаким краугольный камень любви.

Ей не удалось выдать из себя никакого ответа, что, пожалуй, было даже хорошо, потому что было неясно, каков вопрос.

– Раньше я был слишком занят работой и карьерой и мало уделял внимания своей семье, – продолжал ГГ, – но теперь я мог бы оказаться к ней гораздо ближе и познать то, чего не удалось познать тогда...

Он резко прервался и выругался, когда какой-то автомобиль, едва не подрезав их, свернул на боковую дорогу. Ядовито-красный логотип на заднем стекле наябедничал им о том, что это с радиостанции.

ГГ стукнул кулаком по дверце.

– А эти-то что здесь забыли? Решили разговорить насильника? Слушай, нельзя ли поехать другой дорогой? Боюсь, они могут меня узнать.

Эйра развернулась и направилась к грунтовке, которую они совсем недавно проезжали, меньше чем в километре отсюда. Дом Нюдаленов находился неподалеку, и эта дорога должна была проходить довольно близко от их усадьбы. В противном случае у городского следователя появится шанс опробовать свои модельные туфли на пересеченной местности.

Им удалось утаить от СМИ фамилию Хагстрёма. Местные жители ее, конечно, знали, но в прессе и на телевидении его по-прежнему называли «пожилой мужчина, который был убит...». Они еще не присоединили сюда «четырнадцатилетним подростком», ведь имя Улофа так никогда и не было озвучено и не попало в архивы. Поэтому на полицию давили несильно. Преступление совершено в глухой глубинке, местного люда кот наплакал. По телику несколько раз прокрутили репортаж о других похожих случаях – старики, которых убили в собственных домах, в Росвике и Каламарке, и один пожилой лыжник в Кивикангасе. Журналисты обсуждали, насколько опасно жить одному в малонаселенной местности, и пришли к выводу, что выйти из ресторана в городе куда опаснее. Ну или как вариант, что здесь была замешана организованная преступная банда.

Вся надежда на то, что сейчас представители СМИ направлялись к дому убитого лишь затем, чтобы им было что рассказать о местном крае и, возможно, заснять на пленку место преступления. «Глядя на сверкающие под солнцем воды реки Онгерманэльвен, трудно поверить, что рядом с такой красотой может найтись место злу. И тем не менее здесь, в своем собственном доме, меньше недели назад был убит одинокий мужчина. И теперь тревога охватывает всех пожилых людей в этом крае. Чем же на самом деле занимается полиция, спрашивают они себя, неужели общество бросило нас?»

Ну, или что-то в этом роде.

Раскинувшийся на холме хутор впечатлял. Если бы не густой лес вокруг, семья Нюдаленов имела бы обзор на все четыре стороны света, на деле же им оставался лишь крохотный клочок реки в самой широкой ее части и горы на горизонте – результат значительного поднятия суши вдоль всего Высокого берега.

Аккуратный ухоженный жилой дом, детский надувной бассейн на лужайке, герань в горшках перед пекарней.

Трюгве Нюдален оказался почти одного роста с Георгссоном и несколько крепче, его рукопожатие не оставляло в этом никаких сомнений.

– Не знаю, есть ли у вас что рассказать, – начал он, – но отрадно видеть, что вы работаете над этим делом. Мой сын возмущен, и вы должны его понять. Ведь он беспокоится о детях.

– Мы понимаем.

– Сам-то я пытаюсь убедить Патрика, что мы должны надеяться на лучшее и полагаться на нашу полицию, ведь она делает свою работу.

– Мы делаем все возможное, – заверил его ГГ.

Эйра уловила на участке какое-то движение: Софи Нюдален звала детей в дом, обещая показать им интересный мультфильм, ее муж кричал ей что-то изнутри, а в дверях пекарни промелькнула какая-то женщина лет шестидесяти.

– Ну так вы пришли к чему-нибудь? – допытывался Трюгве Нюдален и глянул между стволов деревьев в сторону дома Хагстрёма. – Чтобы я знал, что мои внуки могут снова свободно здесь резвиться. А то как-то не по себе делается при мысли, что их нужно все время сторожить.

В следующую секунду во двор выбежал Патрик Нюдален и повторил почти все то, что уже успел сказать по телефону.

Что он практически выполнил работу полиции, когда помешал Улофу Хагстрёму покинуть место преступления. Что некомпетентность органов теперь обернулась против него самого и его семьи, что вот из-за таких вещей люди и теряют доверие к властям, правовой системе и, в конце концов, ко всей демократии в целом.

– Что вы конкретно делаете, чтобы защитить моих детей и жену и всех остальных, кто живет в округе?

– Улоф Хагстрём направлял какие-либо угрозы в ваш адрес? – деловито поинтересовался ГГ.

– А разве мало просто иметь насильника, притаившегося в ста метрах отсюда? Он должен еще и угрожать нам? Я даже своей жене больше не разрешаю ходить одной на пляж купаться. Я видел, как сегодня утром он был там и пустил поплавать свою собаку. Вы хоть понимаете, каково это?

– Без конкретных угроз в ваш адрес мы, к сожалению, не можем предъявить никакого обвинения, – спокойно произнес ГГ. – Самое лучшее, что мы можем сейчас сделать, это присесть и поговорить. Если вы ответите на наши вопросы, мы постараемся разобраться с этим делом.

Софи накрыла на веранде стол. Из дома вышла пожилая женщина с подносом – Марианна Нюдален. Кофе и булочки с корицей, «садитесь же, чтобы мы могли поскорее со всем покончить».

Из дома послышалась музыкальная заставка к фильму «Детишки из Буллербюна». Символ шведского спокойствия и надежности, детство среди красных домиков, в стране, где самое худшее, что может случиться, это... А, в самом деле, что? Необходимость выкармливать ягненка с помощью детской соски?

Патрик Нюдален продолжал разоряться.

– Вы спрашиваете, где находились мои родители между семью и восемь утра? Вы что, всерьез думаете, что они должны отвечать на подобные вопросы? Какая, к черту, разница, где они были – в пекарне или во дворе, рубили дрова?

– Это их работа – задавать вопросы, – возразил Трюгве Нюдален и по-отечески положил свою ладонь на руку сына. Патрик отдернул руку.

– Как будто вы подозреваемые, а между тем они сами прекрасно знают, кто это сделал. Тоже мне загадка!

– Просто позвольте нам делать свою работу, чтобы дети снова смогли свободно бегать по округе и играть.

– Нас здесь даже не было, – подала голос Софи Ньюдален, – мы это уже говорили. У нас на прошлой неделе начался отпуск, и мы выехали сюда в понедельник вечером, чтобы избежать праздничных пробок. Остановились возле моста Тённебру, поели и дали побегать детям. И лишь к девяти часам вечера оказались на месте.

– Вы бы лучше спросили, как нам здесь теперь живется, – снова вмешался Патрик, – каково это, когда твоя двухлетняя дочка на секунду исчезает из поля зрения.

Его мама Марианна, «но все зовут ее просто Мейан», приблизилась к ним с извиняющимся видом и натянутой улыбкой.

– Сынок, ну чего ты так разволновался? Это же всего лишь несколько вопросов. Они обязаны спрашивать о таком.

От нее веяло какой-то добротностью и основательностью, которые не сумело поколебать даже убийство в доме соседа.

– Хотите еще по чашечке?

Трюгве и Мейан оба были в то утро на хуторе. Прибирались в доме и во дворе, готовились к приезду внуков. Он рубил дрова и прикручивал ножки к большой кровати, наверняка нашлись и какие-то другие дела, в то время как она наводила порядок в пекарне, куда они сами собирались переехать в тот день. Каждый был по уши занят, и обращать внимание на машину или на какое-либо подозрительное движение внизу возле дома Хагстрёма было попросту некому. Не до того было. Если уж на то пошло, то им отсюда даже плохо видно его дом. А с шоссе постоянно доносится шум проезжающего транспорта, кроме него они едва ли что-то слышали.

Когда ГГ спросил про их отношения со Свеном Хагстрёмом, Патрик взорвался снова. Резко вскочил со своего стула, так что тот даже перевернулся.

– Да не было здесь с ним ни у кого никаких *отношений*. И вообще, оставьте нас в покое, хватит с нас того, что нам приходится здесь находиться!

После чего он пересек двор и исчез за сараем.

– Вы должны простить его, – сказала Софи, – за то, что он стал таким. Сердится и бросается словами, словно это может как-то улучшить дело. На самом деле в глубине души он так не думает.

– Просто он такой по натуре человек, – вмешалась Мейан. – Патрик всегда был немного взбалмошным.

– Ты говоришь это так, как будто он неменяемый, – проворчал Трюгве.

– Но я вовсе не это имела в виду!

В ответ Мейан получила от своего мужа хлопок по руке, тот же жест, которым он только что пытался успокоить сына. Она ухватила его за руку.

– Я был у Свена не далее как несколько месяцев назад, – сообщил Трюгве, – но я бы не назвал это дружественными отношениями.

Софи Ньюдален, извинившись, покинула их, ей надо было присмотреть за детьми, к тому же она едва знала этого Свена Хагстрёма.

– Вы общались? – спросил ГГ, когда Софи скрылась в доме. – Как соседи, я хочу сказать.

– Он был не из тех, с кем приятно посидеть и потрепать языком на лавочке.

– Прежде он был лучше, – вставила Мейан. – Когда у него была Гуннель.

– Но она уехала, – добавил Трюгве, – больше не могла его терпеть. Когда же это было?..

– Гм, через год или два после того...

– ...что случилось с их сыном.

Старики одновременно кивнули и заговорили наперебой.

– Свен Хагстрём по большей части держался особняком... – начала Мейан.

– И его можно понять, – продолжил Трюгве, – народ же любит посплетничать. И у каждого своя теория.

– О чем? – вклинился ГГ.

– О том, что делает людей такими. Вдруг это передается от родителей, – Трюгве Ньюдален покосился на сарай, за которым исчез и больше не показывался Патрик.

– Как долго вы здесь уже живете? – спросила Эйра.

– Тридцать лет, – ответила Мейан. – Мы познакомились, когда оба работали в Норвегии. Мы заработали там денег и смогли купить этот хутор, в тот же год и поженились. Вы же знаете, какие здесь цены, во всей стране не найдется домов дешевле, хотя здешние места самые красивые.

По ее лицу пробежала тень.

– Вот уж никогда бы не подумала, что здесь случится такое.

– Мы говорили о проселочной дороге, – вставил Трюгве. – О том, что ее давно никто не ремонтировал. Вот зачем я отправился к Хагстрёму. Вы же сами видите, в каком жалком состоянии она находится.

– И как прошел разговор?

– По большей части мы сошлись во мнении. Но это очень долгий процесс. Непросто заставить местные власти что-то сделать, уж поверьте мне, хоть я и сам там работаю.

– Ага, в бухгалтерии, но ведь это же совсем другое. – Мейан поднялась и принялась собирать блюда, ссыпая крошки в ладонь. – Это чтобы не привлекать ос, – пояснила она. – Они такие назойливые в этом году.

– Я помогу вам, – вскочила Эйра.

– Не стоит.

Но Эйра все равно ухватила несколько чашек и последовала за ней. Пекарня состояла из кухоньки и маленькой комнатки, тщательно отремонтированной с сохранением всех оригинальных деталей. Внутри было хорошо и покойно – благоприятная возможность поговорить по душам. Долгий брак, казалось, настолько прочно спаял супругов вместе, что они даже говорили в основном одно и то же.

– Детишкам ведь нужно больше места, а нам летом и здесь хорошо, – Мейан тщательно споласкивала чашки под краном. Она рассказала, что у них есть еще дочка Йенни, которая поехала в Сидней да так там и осталась. Детей у нее нет. Поэтому они нарадоваться не могут на малышей Патрика.

– Красивый у вас хутор, – сказала Эйра.

– Нам хотелось создать свой собственный уголок на земле. Это мой родной край, я здесь выросла, а Трюгве хоть и не отсюда родом, но полюбил это место с первого взгляда. На самом деле Ньюдален – это мое родовое имя. Я родом из деревеньки в нескольких милях отсюда.

– С вашей стороны это очень щедрый жест – отдать детям дом, а самим все лето ютиться здесь.

– Чепуха. Главное, чтобы они продолжали приезжать к нам. По сравнению с этим мелкие неудобства ничего не значат.

Из окна кухоньки виднелась крыша дома Хагстрёма, и пока Мейан говорила, ее взгляд постоянно устремлялся туда.

– Вы часто разговаривали со Свеном Хагстрёмом? – спросила Эйра.

– При встрече я, конечно, здоровалась с ним, как и все. По-соседски заглядывала к нему с банкой варенья, но говорили мы мало. В основном о погоде. Я иногда задумывалась о том, какой же он все-таки одинокий. Не думаю, что дочка хоть раз приехала его навестить.

– Вы не слышали, имел ли он с кем-нибудь размолвки? Может, он был сердит на кого-то... – продолжала расспрашивать Эйра. – Я сама-то здешняя, знаю, как любят болтать о таком, порой из поколения в поколение.

Мейан задумалась и долгое время стояла так, глядя в окно, пока вода из крана бежала в раковину.

– Разве что из-за леса. Местный люд часто из-за него ссорится: то кто-нибудь нарубит дров в чужом лесу, то распилит поваленные бурей деревья, такое тоже случается. А то и того хуже – продадут права на лесопользование компании «Свеаског», и в один прекрасный день соседи встанут и видят вместо леса за окном – вырубку.

При этой мысли она вздрогнула или ее напугало какое-то движение снаружи.

– Но вы уверены, что это сделал не он, не его сын? Тогда кто же еще это мог быть?

Въехав на холм, Улоф резко затормозил. Возле его дома стоял какой-то автомобиль. Рядом маячила худенькая девушка в черной одежде и говорила что-то в микрофон. Он заметил чью-то голову на переднем сиденье – значит, их было двое.

Он не успел определить, откуда они – с радио или телевидения, как уже съехал с холма и медленно покатыл обратно по грунтовке.

Он слишком хорошо помнил шумиху, которая поднялась тогда. Вопросы, которые свистели вокруг него, как пули из духового ружья, когда он выходил вместе с матерью или отцом из полицейского участка, машины с надписями на боку, которые целыми стаями лепились к обочине. Мама натягивала куртку ему на голову и прижимала к себе, а папа просил всех убираться к чертям собачьим.

Однажды он увидел это даже по телевизору – самого себя в их старой машине, с курткой на голове, услышал отголоски проклятий, которыми сыпал его отец. После чего кто-то выключил телевизор.

В то время у них был красный «Пассат». Запах в салоне этой машины чем-то напоминал ему о нем. Отправившись забирать пса, Улоф оставил «Понтиак» у дома и вместо него взял в гараже отцовскую машину.

Невидимкой он поехал в приют для животных во Фронё. Никто не обращал внимания на «Тойоту Короллу» 2007 года выпуска. Когда он прибыл на место, пес бросился к нему и облизал лицо. Улоф покинул приют с таким чувством, словно он высвободил пса из тюрьмы. А ведь он и сам там совсем недавно побывал.

Он протянул руку и потрепал пса по загривку. Пес сидел на пассажирском сиденье, наострив уши. Облаял корову, пугливо дернулся, когда мимо по загону промчалось несколько коней. Казалось неправильным давать ему новую кличку, когда у него уже была одна, поэтому Улоф звал его просто Пес.

– Ну что, Пес, ты, наверное, засиделся. Хочешь выйти и размять лапы? – и Улоф свернул к деревушке Мариeberg.

Он не думал о том, куда идет. На краю речного залива виднелись небольшие деревянные домики, весь берег зарос иван-чаем. Если бы он обернулся, то увидел бы наверху свой дом, где провел детство. Он спрашивал себя, сколько часов должно пройти, прежде чем у тех людей лопнет терпение и они оставят его в покое. Прежде он уже слышал пару раз доносящийся со двора шум мотора, и кто-то стучался к нему в дверь, но Улоф тогда спрятался и сидел как мышка. Хорошо еще, что звонить они ему не могли. Мобильный он выключил. Только прослушал сообщения от босса на автоответчике, когда получил в полиции обратно свой телефон – сплошные крики и ругань на тему, что у него уже был на «Понтиака» покупатель и что Улоф ему за это заплатит.

Он ухватил пятый из десяти гамбургеров, которые купил сегодня в Крамфорсе. Они, конечно, уже остыли и были не такие вкусные, но это его ничуть не волновало. Он ел, пытаясь

пищей заглушить тревогу. Седьмой он скормил псу. И плевать, что тот размазал майонез по всему сиденью. Все равно папаше эта машина больше не пригодится.

Дорога закончила свой подъем, один из самых длинных и тяжелых подъемов для велосипедистов во всей Вселенной. Как раз в конце него находился бывший продуктовый магазин. Он знал это и все равно поехал вперед. Съехал на обочину и остановился. Выпустил пса наружу, и тот, не помня себя от радости, полетел среди деревьев.

«Встречаемся у магазина», говорили пацаны в его детстве, хотя уже никто не помнил, что там когда-то был магазин. Дом давно стоял пустой, и местная молодежь любила там иногда тусоваться. Где-то ведь нужно было толкать травку, ну и все такое. Или все же остальные знали? Что Лина пойдет с рюкзачком, болтающимся на плече, подол платья развеивается вокруг ног, а сверху только тонкая кофточка, та самая кофточка, желтая, как одуванчик, как солнышко, ослепительно-желтая.

А может, она специально хотела, чтобы кто-нибудь за ней увязался? Иначе зачем еще она могла отправиться по этой узкой тропинке в лес?

Улоф думал об этом, стоя здесь и прокручивая в голове все, что тогда случилось. Что она была одета совсем не так, как одеваются, когда идут в лес. Он почувствовал, как на коже выступил пот. Его замутило. Должно быть, от съеденных гамбургеров. Если он немного углубится в лес, его никто не увидит. Пес радостный носился вокруг, и когда Улофа вывернуло наизнанку среди камней и папоротников, тут же с готовностью обнюхал рвоту.

Улоф отогнал его. Разыскал нечто, что, как он решил, было заячьей капусткой, и пожевал несколько листочков, чтобы отбить дурной привкус во рту.

А тропинка вилась все дальше и дальше, сначала круто карабкаясь вверх по скалам, а потом резко сбегая вниз, к заброшенной лесопилке. Где-то там все и случилось, за замком, который по-хозяйски возвышался над всей округой, среди ветвей, где никто не мог их увидеть. Там стояла она и ждала его.

Что тебе нужно? Ты меня преследуешь?

И смех, который был предназначен только ему.

У Улофа появилось ощущение, что с тех пор больше никто не ходил здесь. Разве что полиция. Они частым гребнем прочесали весь лес и всю округу, да еще и собак отправили на ее поиски. А потом следственный эксперимент. Воссоздание картины преступления. Когда его привели сюда и заставили показывать. Там была полянка с поваленным деревом. Сейчас он уже не нашел этого места. Березы стали выше, а тропинка, сужаясь, вскоре совсем пропала из виду. Ее поглотили заросли черники и крапивы. Он ощутил вкус земли во рту.

Что ты сделал с ней, Улоф?

И потом, у реки, возле кирпичного сарая, в народе в шутку прозванного «Мекеном»⁴. На краю берега, где из воды торчали гниющие сваи – все, что осталось от старой пристани, к которой причаливал сплавной лес. Именно там нашли ее вещи.

Ты здесь бросил ее в реку? Или это было дальше по течению?

Позади гигантского хранилища из жести, которая начала ржаветь, между бетонными колоннами, в глубоководной гавани.

Такое бывает, что человек не хочет ничего помнить, сказали они ему, мозг вытесняет ужасные воспоминания, чтобы легче жилось.

Именно поэтому они здесь, чтобы помочь ему вспомнить.

Ведь ты же хочешь вспомнить, Улоф?

Потому что оно здесь, внутри тебя, все, что ты делал и чувствовал.

⁴ Сокращенно от «Механического завода Лидчёпинга», одного из старейших заводов Швеции по производству машинных станков.

Это произошло здесь? Она была еще жива, когда ты бросал ее в воду? Ты скинул ее с причала, ты знал, что прямо здесь тридцать метров глубины?

Ты помнишь, Улоф, мы знаем, что ты помнишь.

По старой привычке Эйра избрала окольный путь до библиотеки. Тем самым она избегала открытой, продуваемой всеми ветрами площади, на которой негде было укрыться, и скамеек вокруг фонтана, где она могла столкнуться со своим братом.

Сейчас на ней была обычная одежда, не униформа, что было хорошо, так как в ней она меньше привлекала к себе внимания, и в то же время плохо. Возрастал риск, что он начнет фамильярничать с ней при встрече. Захочет одолжить денег. Поинтересуется, как там мама.

Уж лучше сделать лишний круг вокруг квартала.

ГГ уехал в Сундсвалль, а она просидела несколько часов, обзванивая все лечебницы в округе, чтобы узнать, кто из алкашей и наркоманов недавно выписался.

– О, Эйра, здравствуй! Как же я рада тебя видеть!

Библиотекаршу звали Сузанной, и она проработала здесь почти двадцать лет.

– Расскажи, как там мама?

– Хорошо, но не слишком.

– Знаю. Ужасная эта болезнь. Мой папа...

– Но все же у нее бывают моменты просветления.

– Социальные службы вам помогают?

– Ну что, ты не знаешь Черстин? Она хочет справляться со всем сама.

– Да, этот переходный период тяжелее всего. Приходится постоянно с уважением относиться ко всему, с чем, как им кажется, они справляются, хотя на самом деле это не так. Она еще читает книжки?

– Каждый день, – кивнула Эйра, – но в основном одну и ту же.

– Тогда будем надеяться, что это хорошая книга.

И они рассмеялись тем особым смехом, что звучит на грани слез.

– На самом деле я здесь по службе, – призналась Эйра. – Тебе наверняка уже известно о том, что случилось со Свенном Хагстрёмом из Кунгсгордена.

– Еще бы! Ужасная история, но чем я могу тебе помочь?

– Он часто брал у вас книги?

Сузанна задумалась, потом покачала головой. Разумеется, она могла свериться с базой данных в компьютере, но она и без того знала всех, кто берет книги, особенно пожилых. Может, раньше он и приходил за книгами, но в последние годы – нет. Это подтвердило догадку Эйры. В доме старика она не видела ни одной книги, которая лежала бы на виду. Она даже проверила фотографии, сделанные криминалистами, и тоже ничего не нашла. Ведь никто же не ставит взятые в библиотеке книги на полку – они там затеряются.

– Он звонил сюда, – сказала Эйра, – пару раз в середине мая. Не помнишь, о чем вы говорили?

– Я об этом как-то не подумала, – Сузанна опустила на стул. – Кажется, он спрашивал про какие-то статьи в газетах. Точно, это был он!

Эйра ощутила мимолетную грусть. Библиотекарша обладала той особенной памятью, характерной для людей их профессии, которая делает их похожими на ходячий каталог. Ее мама тоже когда-то была такой, еще совсем недавно она точно знала, что хочет каждый из ее читателей, и даже то, о чем они еще не знали, но что обязательно должно было им понравиться. Еще год назад Черстин с легкостью могла вспомнить телефонный звонок из сотен других телефонных звонков. Если бы и сейчас столько же звонили, но народ уже не так часто берет книги. За те пятнадцать минут, пока она там была, в библиотеку зашли всего трое, да и то один хотел просто воспользоваться туалетом.

– Но у нас еще нет организованного поиска статей, – продолжала Сузанна, – к тому же он спрашивал про газеты из Норрботтена или, может, из Вестерботтена, тех лет, когда их еще не выкладывали в интернет. Я сказала ему, что если у него нет своего компьютера, он может прийти сюда и воспользоваться нашим – я помогу ему связаться с кем нужно.

– Он так и сделал?

– Не знаю. Может быть, в тот день работала моя коллега, но ко мне он не приходил, я бы запомнила.

– Это точно, – подтвердила Эйра.

– Передавай привет маме. Если она меня еще помнит. Но даже если не помнит, все равно передавай.

Когда она вернулась обратно в полицейский участок, на ее месте сидел Август Энгельгардт. Не то чтобы каждый сотрудник имел свое строго оговоренное рабочее место, и потом на данный момент она ведь все равно была прикреплена к другому отделу, но все же Эйра относилась к этому столу как к своему.

– Я тут подумал, что тебе захочется на это взглянуть, – сказал он и слегка откатился назад на стуле.

Наклонившись вперед, Эйра оказалась очень близко от парня. Странное ощущение пронзило ее тело, но она даже самой себе не призналась бы в этом.

– Моя девушка откопала это в ленте новостей, – пояснил Август.

Это была страница одной из популярных соцсетей, по экрану бежали многочисленные комментарии.

Имя Улофа Хагстрёма кочевало из одного окошка в другое.

Надо отчекрыжить ему хер и все остальные причиндалы. Какого дьявола таких типчиков отпускают на свободу. Полиция защищает насильников, потому что они сами там все насильники. Да вешать их надо, этих мерзавцев, на первом же суку, а тем героям, кто так и делает, – почет и уважуха.

И так далее и тому подобное.

Эйра тихо выругалась.

Они старались сохранить его имя в тайне, но все в полиции, разумеется, были об этом осведомлены. Информация может просочиться тысячей разных способов. К тому же все произошло в округе, где всем прекрасно известно, кто он.

Август подался вперед и задел рукой ее бедро.

– И уже больше ста людей поделились этой ссылкой, – сообщил он, листая страницу вниз. – И еще семь, пока я здесь сижу.

Мы должны сообщать всем, где они живут, значилось в одном из комментариев. Мы должны предупреждать друг друга. СМИ замалчивает эту тему. Но это наше право – знать.

– А твоя девушка, – спросила Эйра, – она тоже оставила какой-нибудь комментарий?

– Она просто поделилась ссылкой, – пожал плечами Август.

– Пожалуй, тебе стоит попросить ее больше так не делать.

– Я знаю.

Чаще всего моменты просветления случались по утрам, примерно между пятью и шестью часами, когда Черстин Шьёдин вставала с постели и шла варить кофе.

Иногда он получался крепким, а иногда чересчур крепким, но Эйра не говорила об этом матери. Каждое утро было как убежище, пока полученные за день впечатления не оставили после себя сумбур в голове. Когда луг, сбегавший к старому порту в Лунде, был еще безмятежно спокоен и тих. Когда-то там было очень оживленно, парусные суда со всего света причаливали к берегу. Вот уже скоро девяносто лет будет, как здесь остановили колонну демон-

странтов. Вся округа в ужасе замерла, когда засвистели пули солдат, когда пали друзья. Пять смертей всего за несколько секунд.

Здесь покоится шведский рабочий, вырезано на памятнике на братской могиле. Голод – это преступление, помни об этом.

Эхо расстрела в Одалене навечно осталось в Лунде. Впрочем, долгое время его не называли «расстрелом», предпочитая говорить «случившееся в Одалене», это звучало более нейтрально, как будто суровую правду жизни можно смягчить какими-то там словами. Государство, которое защищало штрейкбрехеров и позволило расстрелять своих рабочих. Кровь, пролившаяся в тот день. Трубачи, трубившие команду: «Прекратить огонь!» Это слишком серьезная страница истории, чтобы так просто можно было от нее отделаться. Никто не хочет этого. И все этого хотят. Никогда не потеряют своей актуальности разговоры о том, кто участвовал в марше демонстрантов, а кто нет, чьи родители, чьи дедушки и бабушки были там. Никто не заикался на тему «давайте лучше не будем об этом», потому что народ не желал мириться с тем, чтобы эта часть его истории оказалась предана забвению.

– Барахолка в Сёрвикене? – Черстин подняла глаза от газеты, которую она прочитывала от корки до корки, а потом почти сразу же все забывала. – Да, конечно же, я ее знаю. Это в том белом домике возле крутого поворота. Я часто туда ездила покупать материю. Как же звали тамошнюю хозяйку?..

Эйра знала, что она могла к кому угодно обратиться в Сёрвикене и узнать, кем была владелица магазинчика, у которой часто обедал Свен Хагстрём, но ей было важно поговорить с матерью, заставить Черстин вспомнить. В последнее время ее часто поражало, сколько же всего было с этим связано: ты помнишь ее или его, помнишь эту песню, фильм, книгу, помнишь, что мы делали, в каком году это было?

– Карин Баке! – крикнула Черстин, когда Эйра уже стояла на пороге. – Вот как ее зовут! Я, пожалуй, могла бы поехать туда с тобой, вдруг у нее появилось в продаже что-нибудь интересное?

– Мне нужно туда по работе, – объяснила Эйра, – это связано со смертью Свена Хагстрёма. Помнишь, мы об этом говорили? Ты еще читала в газете.

Новость уже давно перестала быть новостью и с первых полос газет переместилась в середину, где теперь писали в основном про то, что полиция замалчивает обстоятельства дела и что у них нет никаких новых зацепок. В Сети журналисты укоряли власти в том, что они игнорируют версию о волне грабежей за рубежом.

– Неужели ты должна всем этим заниматься? – с недоумением спросила Черстин. Снова этот ее беспокойный взгляд. Страх, постоянно таящийся у самой поверхности и заставляющий ее пальцы лихорадочно хватать все, что под руку попадет. – Пожалуйста, будь осторожна.

И она протянула Эйре шарф, как будто дочь все еще была ребенком.

Как будто на дворе была зима.

В машине Эйра стянула с себя шарф и позвонила в Управление. ГГ планировал дожидаться одного из своих коллег-следователей, чтобы тот помог разыскать ему нескольких рабочих-латышей, которые жили в палатках в семи километрах от места убийства.

– Версии властей никогда нельзя игнорировать, – объяснил он.

Поэтому Карин Баке он передал Эйре, заявив, что полностью ей доверяет.

Дом в Сёрвикене оказался совсем маленьким и забитым всякой всячиной, но не так, как у Свена Хагстрёма, у которого все барахло было свалено как попало и того гляди грозило обрушиться сверху. В здешнем беспорядке угадывалась приверженность к вещам определенного типа, вроде ваз с цветочным узором, синей керамики и бесчисленного множества птичек из стекла.

– Продавать я уже перестала, – объяснила Карин Баке, – но покупать все равно продолжаю. Сейчас все говорят о том, что к старости надо избавляться от вещей, чтобы те, кто станет жить здесь после твоей смерти, были освобождены от необходимости расчищать завалы, но я все равно ничего не могу с собой поделатать и продолжаю мотаться по округе и выискивать то, чего у меня еще нет, а иначе чем мне еще заниматься?

Это была убеленная сединами дама, элегантная в своих движениях и в манере речи. Чем-то она напомнила Эйре кофейный сервиз из тонкого фарфора, который достают, только когда приходят гости.

– Вы уже знаете, когда будут похороны? – спросила Карин, сделав едва уловимый жест в сторону газеты на кухонном столе. – Я еще не видела некролога. Это будет так ужасно, если в церкви никого не окажется. Ведь церемония будет проходить в церкви?

Побулькивающий звук со стороны перколятора, вид на залив, аудиокнига, стоящая на паузе в смартфоне. Фотографии детей и внуков на буфете, фотокарточка покойного мужа, черно-белый снимок со свадьбы и лица нескольких поколений позади. Целое море людей окружало эту женщину, и все же. Сколько еще в этой стране было таких вот кухонных столов, рассчитанных на большую семью, в домах, которые кто-то однажды покинул, оставив других доживать свой век в одиночестве.

Эйра объяснила, что с похоронами пока придется повременить.

– Он начал заглядывать в мой сарайчик возле дома девять-десять лет назад, – завела свой рассказ Карин Баке, когда они уселись, – интересовался редкими предметами, которые я помогала ему доставать. Старинный барометр, компас времен войны – ему нравились такие вещи. Ну а потом случилось так, что мы подружились. Он приезжал сюда всегда к обеду. Я кормила его, а он помогал мне по хозяйству. Вон сменил прокладку на протекавшем кране. В доме ведь все время что-нибудь ломается. Потом вместе смотрели какие-нибудь передачи по телевизору, чаще всего по каналу «Знание». Дальше этого мы не заходили. Он был слишком мрачным. Мне не хотелось впускать его тоску в свой дом. Но я все равно скучаю по нему. По ощущению, что кто-то дышит рядом с тобой одним воздухом.

– Вы говорили с ним о том, что случилось, о его сыне?

– Нет, нет, что вы! Это была запретная тема, или, как это сейчас модно говорить – *no-go-zone*⁵. Стоило мне однажды заикнуться об этом, как он тут же расшвырялся. На склоне лет с таким и подавно не хочется связываться.

Эйра решила удовольствоваться обычными вопросами. Когда вы видели его в последний раз? Были ли у него какие-нибудь враги... А впрочем, бывают ли у обычных людей враги?

Скорее недруги, решила Эйра.

– Большая часть Одалена, – кивнула Карин Баке, – так ему, во всяком случае, казалось. Был убежден, что все настроены против него. Якобы это он виноват, что воспитал своего сына таким. Но Свену даже в голову не приходило, что его могут за это убить. Ведь его убили?

– К сожалению, я не могу об этом говорить.

Карин Баке разыскала фотографию, сделанную пять лет назад на ипподроме. Свен Хагстрём на ней выглядел насупленным, но все же куда более живым, чем на старом снимке в водительском удостоверении семилетней давности.

Однажды она составила ему компанию в его поездке в Даннеро, рассчитывая вкусно пообедать и мило провести там время.

– Хотя на деле его только конные бега интересовали. Любил простаивать с другими мужиками на холме, потому что оттуда было лучше видно – обожал ощущать скорость, слушать стук копыт.

⁵ Запретная зона (англ.).

Они не стремились поддерживать друг с другом контакт, но временами все же случайно сталкивались. В последний раз это произошло совсем недавно, в конце весны, когда последние, упорно не желающие таять льдины наконец-то унесло в море. Свен Хагстрём оказался в их краях с Патраском, и Карин, увидев его из окна, вышла ему навстречу.

– А Патраском зовут его пса?

Она рассмеялась.

– Свен считал, что эта кличка ему подходит. Он взял пса из собачьего приюта, где тот оказался в результате какой-то очень нехорошей истории, но Свен всегда умел обращаться с собаками. Они не требуют от человека, чтобы тот раскрывал перед ними душу.

Но самое странное, что в тот раз она впервые увидела его плачущим. Они стояли на мостках, на берегу реки. Оттуда можно было разглядеть дом Хагстрёма, как он крепко цепляется за склон на другой стороне залива, словно одинокий скворечник в еловом лесу. Возможно, все дело было в расстоянии, но на какое-то мгновение он узрел издалека свое место на земле и осознал, во что оно превратилось.

«Дело было даже не в том, что Земля вертится, – сказал он. – Его предали суду инквизиции не только за это».

Карин поняла, что он говорит о Галилео Галилее. Как-то раз они смотрели по телевизору документальный фильм о нем. Свен интересовался первыми знаниями людей о мире – он часто говорил, что все то новое, что мы знаем сегодня, на самом деле хорошо забытое старое, которое в придачу еще и переврали. Не то чтобы Карин была согласна с ним, но она знала, о чем он говорит.

«Речь зашла о том, что две истины могут существовать одновременно, – продолжал он (Карин Баке рассказывала, как она запомнила), – а церковь и инквизиция, они не могли этого стерпеть. Когда Галилей обнаружил, что Земля вовсе не центр Вселенной, вокруг которого вращаются Солнце и звезды, то они окончательно впали в ярость. Их устраивала только одна истина – та, что записана в Библии. И он не имел права подвергать ее сомнению. Их испугала смута, которая могла начаться, прознай об этом простой люд».

– А еще что-нибудь он говорил?

– Ну я, конечно, спросила его, как обстоят у него дела дома.

– А он что?

Карин Баке покачала головой. Серебряная прядь волос упала ей на лоб, и она аккуратно заколола ее заколкой, украшенной маленьким перышком.

– Позвал пса.

Чуть позже, когда солнце, тоже решив по-своему искупаться, нырнуло за макушки деревьев и в разлившейся вокруг вечерней тишине был слышен только щебет птиц, он спустился к реке, чтобы слегка сполоснуться. Пес кругами плавал рядом и при этом с такой силой колотил лапами по воде, словно боялся утонуть.

Выбравшись на берег, пес хорошенько отряхнулся, так что брызги полетели во все стороны, а на обратном пути всю дорогу скакал щенком, сопя при этом так, словно в воздухе пахло чем-то интересным. Подпрыгивал и хватал комаров и мошек.

А потом вдруг замер и насторожился. Улоф уловил какое-то движение у задней части дома. Машина с журналистами, стоявшая там днем, исчезла, но теперь вместо нее появилась группа неизвестных личностей, которые стояли и пялились на него из-за стволов елей. Он заметил блеснувший велосипед.

– Эй, что вы здесь забыли?

Улоф сделал несколько угрожающих шагов в их сторону и исторг пару воплей, чтобы напугать их. Что-то прощуршало между деревьями, послышался звук какой-то возни.

Сердце заколотилось в груди, и горячий жар охватил тело.

– А ну прочь отсюда! – Он поднял руки и сделал еще несколько шагов вперед.

Покажи, что ты готов драться. Улоф научился этому в том месте, где он очутился еще подростком, пока не стал достаточно большим и тяжелым, чтобы его оставили в покое. Его тело, которое все росло и росло, пока не заполонило собой всю комнату, куда другие уже не осмеливались соваться.

Считается, что персонал в социально-реабилитационных центрах связан обязательством о неразглашении, но ему это не помогло. Остальные мальчишки довольно быстро узнали, что он убийца. Он им сам это сказал, когда они начали его задирать. Много же времени прошло с тех пор, когда он в последний раз получал взбучку.

Когда ребятня бросилась наутек вместе со своими велосипедами, он увидел, что их было трое. Тощие и поджарые, едва достигшие подросткового возраста, они исчезли на бешеной скорости, только их и видели.

Улоф вошел в дом и заперся. С крыши доносились крики чаек. На днях он обнаружил, что они свили себе гнездо в печной трубе. Какое-то время он раздумывал, не разжечь ли в печи огонь, не для обогрева, а чтобы выкурить птиц – плохо будет, если они привыкнут и станут возвращаться сюда год за годом, вспомнил он слова отца, – но у него не хватило духу. Вспомнилось, как еще пацаном он украдкой, когда не видел отец, запихивал между поленьями скомканные газетные страницы, чтобы разжечь огонь. Настоящий мужик так не делает.

Он не стал зажигать в доме свет. Задержал на окнах нижнего этажа занавески и, усевшись за стол, поел прямо из пластикового контейнера купленные в магазине мясные тефтели с картофельным пюре. Не сказать, что в доме царил полнейшая тишина. Стучали за окном ветки, что-то где-то потрескивало. Должно быть, поднялся ветер. Поскреблась и убежала за стеной мышь. Человек может умереть, но его голос все равно останется. Шаги на верхнем этаже. Топ, топ. Прямо по крыше.

Улоф не сразу сообразил, что он сел на то же самое место, что и тогда, за самым дальним концом стола, на краю кухонной скамьи. Мама сидела рядом, но чуть поодаль, чтобы не задевать его своим телом. Она казалась Улофу маленькой и сторбившейся, должно быть, потому что сам он здорово вымахал в том году и перерос ее. Отец сидел в кресле, и Ингела по другую сторону от матери, совсем рядом с ней. Никто не смотрел на Улофа, хотя его тело заполняло собой все пространство кухни. Они смотрели в пол. Они смотрели в сторону. Он тоже смотрел в пол и на свои руки. На свои мерзопакостные руки.

Кажется, никто ничего не говорил.

А потом шаги на лестнице. Вниз спустилась полиция, и один из полицейских держал в руке пластиковый пакет. Внутри лежало что-то мягкое, что-то желтое.

Они устроили обыск в его комнате и рылись в ящике под его кроватью. Полицейский положил пакет на стол. Желтый, словно одуванчик, словно солнышко, ослепительно-желтый. И всем сразу стало ясно, куда надо смотреть. Взгляды окружающих устремились на пакет, как мухи на мед.

Можешь объяснить, Улоф, что это такое?

Как это оказалось под твоей кроватью?

Он не мог им этого сказать, когда вся его семья сидела там и глядела на него, пусть даже они делали вид, что смотрят на что-то совсем другое. Этот аромат, он сводил его с ума. То ли так пахли ее духи, то ли дезодорант, то ли ее волосы. Или она сама пахла так сильно.

Это – кофта, Улоф.

Чей-то чужой голос произнес это. Улоф поднял голову и наткнулся на взгляд отца. И не узнал его.

Точно такая, какая была на ней, когда она пропала.

Тучи проползли мимо, так и не исторгнув из себя ни капли дождя. Когда холоднокровных рысаков разогревали перед стартом, воздух, сухой и горячий, был пропитан пылью.

– Так вот где весь народ, – присвистнул Август, устремив взгляд на ряды цифр на электронных табло. Дерзкий Принц был фаворитом, но все же с коэффициентом ниже двенадцати, в то время как Аксель Зигфрид уже 780-й раз приносил выигрыш тем, кто на него ставил. Когда Эйре понадобился кто-нибудь, с кем можно пойти на скачки, Август тут же вызвался добровольцем.

– Скачки с участием холоднокровных пород, – проговорила Эйра, – одно из важнейших событий всего сезона в Даннеро, по популярности почти ничем не уступает V75⁶.

– Ничего, если я поставлю двадцатку?

Эйра смерила его тяжелым взглядом.

– Я просто пошутил, – тут же пошел на попятную Август.

С тех пор, как сгорел ресторан при ипподроме, Даннеро перестал быть прежним. Новые строения были светлыми и просторными, но в них уже отсутствовал былой дух обшарпанной старины. Бывало, что они приезжали сюда всей семьей, особенно на полночный забег – самый большой народный праздник летом. Эйра помнила захмелевших людей и то невыносимое напряжение, когда им с Магнусом дали десятку, чтобы они поставили на лошадей и перестали ползать под ногами у взрослых, выискивая билеты, которые народ мог посеять по пьяни. Она до сих пор ощущала то счастливое упоение мечтами, казавшимися на тот момент вполне достигаемыми, когда любой мог в одно мгновение стать богатым.

В новом ресторане и в вип-ложе все места были заняты, снаружи на открытом месте быстро собиралась толпа. Именно там, по словам Карин Баке, обычно стоял Свен Хагстрём. Настолько близко, что можно было почувствовать порывы ветра и ощутить вибрацию почвы, когда кони, стуча копытами, пронеслись мимо, вдохнуть резкий запах лошадиного пота.

Эйра уловила обрывок разговора между двумя явно знавшими друг друга людьми и двинулась в их сторону. Пожилые мужчины в кепочках от солнца и шерстяных куртках, несмотря на двадцатипятиградусную жару, негромко беседовали между собой. Она услышала, как один из них, явно имеющий свои связи в конюшне, намекнул, что Бюске Филип хорошо показал себя на тренировках, в то время как Эльдборкен после полученной зимой травмы, скорее всего, проведет свой худший сезон.

Собеседники трещали все быстрее, по мере того как Эльдборкен, к их изумлению, возглавил заезд, обошел Бюске Филипа и пересек финишную черту с коэффициентами, которые заставили кого-то вскрикнуть.

Когда жокей получил свой букет цветов и победитель побежал рысью круг почета, у Эйры завибрировал телефон. Звонил спортивный директор ипподрома – наконец-то! Все это время он был недоступен, но через две минуты собирался быть у касс, прямо за киоском, где продавали колбасы.

– Просто очень много дел сегодня, – оправдывался спортивный директор, вытирая со лба пот и закатывая рукава рубашки. Он ужасно спешил и смог выкроить всего три минуты между встречами со спонсорами, чтобы подойти к ним.

Фамилия Свена Хагстрёма была ему незнакома, «но я многих помню просто так, в лицо, не зная их имен».

Эйра показала ему снимок, который был сделан примерно в тридцати шагах от того места, где они сейчас разговаривали.

– Да, да, – закивал спортивный директор, – его я знаю, он обычно стоял в группе зрителей вон там, у бортика. Местный завсегдатай с тех времен, когда меня самого тут еще не было. В основном ставил только небольшие суммы.

⁶ Конные скачки в Швеции.

Он указал на небольшую группку пожилых мужчин, стоявших возле парапета. Сидевшая на парковой скамье парочка, должно быть, тоже была из их компании.

– Он что-то натворил?

– Нам необходимо поговорить с людьми, которые его знали.

– Знали? – Взгляд мужчины заметался между представителями закона и зрителями, метнулся к табло, на котором появлялись коэффициенты перед следующим забегом. – Хотите сказать, что это его?.. Вот черт. Тогда лучше поговорите вон с теми ветеранами, одного из них зовут Хаке, а есть еще Курт Ульльберг из Престмона, он сам раньше держал лошадей. Остальных не знаю... Больше я, пожалуй, ничем не могу вам помочь, извините.

И спортивный директор быстро убежал – их «спасибо» прозвучало ему уже в спину.

Забег начался. Эйра пошла и купила два кофе в бумажных стаканчиках. Если они начнут приставать к людям прямо сейчас, то получат в ответ только ругательства и в придачу выставят себя бесчувственными типами, не понимающими настоящих жизненных ценностей – могучую красоту холоднокровных лошадей и ставок, которые могут изменить жизнь.

Дождавшись, когда Росомаха Юханна первая среди кобыл придет к финишу, они подошли к мужчинам. Небольшая группа между парковыми скамейками. Одни были возбуждены, вторые подавлены, одни выиграли, другие – нет. Снимок даже не потребовался. Черт возьми, ну конечно же, они знали Свенне, и даже знали, что с ним случилось.

– Только не думайте, что у него дома были какие-то сбережения, – сказал мужчина, которого звали Хаке, все его лицо заросло седеющей бородой. – В конце мая Свенне проигрался подчистую на V75, а потом я не припомню, чтобы ему крупно везло. Такое периодически случается.

– А вы уверены, что он не сам с собой это сделал? – спросил старичок, которого, кажется, звали Густав-как-то-там. Судя по его выговору, он был родом из мест, удаленных от побережья вглубь страны. Эйра сделала Августу знак, чтобы тот записал имя. Как только появятся текущие коэффициенты участников следующего заезда, станет сложно удерживать их внимание. Не то чтобы этим мужчинам было наплевать, напротив, все они очень переживали за Хагстрёма и тесной толпой окружили полицию, желая ей помочь, но что-то такое сидело в них и заставляло поворачивать головы, едва раздавался приближающийся стук копыт.

– И кто мог желать ему зла?

– Нормальный же был мужик.

– Немного хмурый и молчаливый малость, но кто в наше время не хмурый? Когда видишь, что творится с этой страной.

– Вы ведь поймаете того мерзавца, который это сделал? Или снова спустите дело на тормозах? Это все больницы, будь они неладны, разместили их, понимаешь, поближе к берегу. Если б хоть одна была рядом, может, он и выжил бы.

– Да ведь он уже был мертв, когда его нашли.

– Все равно. – Старичок, которого звали Густав-как-то-там, наклонился поближе. В нос ударил запах перегара и немытого тела – Эйра с трудом подавила в себе желание попятиться. – Может, все и обошлось, если бы он получил помощь раньше. Вот этим. – Густав поднял пластиковую кружку с пивом в одной руке и наполовину съеденную колбасу в другой и помахал ими над головой, давая понять, что именно должно было помочь Свену Хагстрёму выжить.

– Что вы имеете в виду?

Старичок откусил колбасу и окинул Эйру изучающим или, скорее, похотливым взглядом – разница была не слишком велика.

– У тебя есть дети?

– Нет еще.

– Так ведь дети это самое главное. То, чего человек хочет больше всего в жизни, – однажды ты сама это поймешь. Если они оступаются, то нужно стоять крепко и не вмести-

ваться, но если ты упускаешь их окончательно, если твой собственный ребенок катится на дно, то тут уже не остается ничего другого, кроме как взять дело в свои руки. – От его бурной жестикуляции немного пива выплеснулось за край кружки. – Что это за мужик, если он не может спасти собственного ребенка?

– Он что, пил?

– Он оказался в затруднительных обстоятельствах.

– Кто, Свен Хагстрём?

– Да нет, что ты, с ума сошла! Паренек мой. Его больше нет на свете. И то, что привело его к смерти, то же самое я видел и в нем, в Свенне то есть. Ту самую пустоту, которая появляется в человеке и выедаёт его изнутри.

– Вы с ним об этом говорили?

– Не знаю, можно ли назвать это разговором, но он напрочь избегал этой темы – так делают все, когда что-то причиняет им боль. – Густав стремительно обернулся, когда диктор на ипподроме объявил новый заезд и лошади понеслись. Грохот копыт, клубы пыли, все напряженно замерли, затаив дыхание. Народ был поглощен возможностью увидеть, как Халльста Бамсе вырывается в лидеры с неправдоподобным коэффициентом 640. Эйра даже не заметила, что Август Энгельгардт стоит вплотную за ее спиной. На какое-то время она потеряла его из виду и вздрогнула, когда над ухом внезапно раздался его голос.

– Есть кое-что интересное, – произнес он.

– Погоди.

На последнем повороте Халльста Бамсе занесло, и он перешел на галоп, диктор сорвался на фальцет, и Зачарованный вышел на чистое лидерство. Сенсации, на которую все так надеялись и заранее предвкушали, не получилось. Судорога пробежала по рядам зрителей, послышался дружный выдох.

– Угадай, где, судя по всему, прячется один насильник, – Август оказался так близко от ее уха, что даже коснулся его губами – Эйра ощутила его теплое дыхание.

– Где?

Он кивнул на группу мужчин.

– Я последовал за одним из них – он забирал в кассе выигрыш после предыдущего забега. Тысяча крон. В такие моменты можно много чего услышать.

– Давай выкладывай.

Август Энгельгардт улыбнулся и сразу стал похож на невыносимого задаваку. Должно быть, это самый первый служебный успех в его жизни, подумала Эйра и посмотрела на часы. Сразу отсюда никто не уйдет, все еще будут какое-то время находиться на ипподроме.

– Пойдем, угощу тебя чем-нибудь в ресторане, – предложила она.

– Картошкой с мясным соусом?

– Надеюсь, несколько листочков салата у них тоже найдется.

Вегетарианская революция еще толком не добралась до ипподромов в Норрланде, поэтому Августу достались скудный салатик и бутерброд с сыром, и мясные тефтельки с картофельным пюре и брусникой для нее самой.

Им удалось разыскать столик с самым плохим видом на беговую дорожку, больше свободных мест не было. Август наклонился вперед, чтобы его можно было слышать сквозь шум и гомон и занудную музыкальную заставку, которая предшествовала старту забега – наилучшую версию «Попкорна», хита 70-х.

Человека, который выиграл тысячу крон, звали Курт Ульберг, он еще раньше сам держал беговых лошадей. Август порылся в своих несколько беспорядочных записях и прочел вот что:

«Итак, прошлой весной, в начале мая, как ему кажется, он услышал от своей кузины, чей зять живет по соседству с этой женщиной, или это был не зять, а его шурин... В общем, эта самая женщина узнала одного мужчину в «Железе Ньюланда», это такая скобяная лавка...

– Я знаю, что это такое. Давай дальше.

– Было что-то такое в его голосе и манере выговаривать слова, что она сразу его узнала, хотя уже почти сорок лет прошло.

– Кого узнала?

– Адама Виде.

Эйра покопалась в памяти, но не сумела найти ничего похожего ни в связи с расследованиями, ни в связи с чем-либо еще.

– Хотя сейчас у него, вероятно, другое имя, – продолжал Август. – Этот самый Ульберг говорит, что народ постоянно ищет убежища в здешних лесах – то американские дезертиры, бежавшие от войны с Вьетнамом, то еще совсем зеленые смельчаки, а бывает, и женщины, с которыми плохо обращались мужья. Совсем недавно он лично столкнулся с одним членом профсоюза из Стокгольма, который прятался в избушке в чаще леса. Помнишь скандал с участием стриптиз-клубов и стройфирм, занимавшихся элитным ремонтом?

– Добро пожаловать в глушь, – развела руками Эйра. – А с какого бока это связано с нашим случаем?

Август Энгельгардт вытер уголок рта от салатной заправки и опорожнил бокал содовой.

– Он живет в Кунгсгордене, – объявил он. – Вот почему Ульберг рассказал об этом Свену Хагстрёму, посчитал, что старику будет полезно об этом узнать. Цитирую: «Потому что там была почти та же история, что и с его парнишкой, так что пусть перестанет сгорать от стыда – такого добра везде хватает».

– Что за изнасилование?

– Групповое изнасилование где-то в северной части Норрланда. Судя по всему, и впрямь жуть.

Теснота, душный жаркий воздух, пропитанный влажными испарениями большого количества потных тел, шумная обстановка – слишком много всего было вокруг, чтобы Эйра могла ясно мыслить. Они покинули ресторан и выбрались на открытое пространство, прежде чем она добралась до самых животрепещущих вопросов.

– Ульберг знает, как этого человека зовут сейчас?

– К сожалению, нет. Его кузина или зять кузины не хотят разбрасываться именами – вдруг эта женщина обозналась, а может, они просто не знают.

Завершился последний забег, но старики из числа завсегдатаев продолжали толпиться возле беговой дорожки – издали она увидела, что их пластиковые бокалы все еще полны пивом.

– Но я знаю имя этой женщины, – сказал Август, – она проживает в Престмоне. И я взял у Ульберга его номер телефона на тот случай, если он нам еще понадобится.

– Хорошая работа, – похвалила Эйра.

Ее напарник улыбнулся и выудил билетик из заднего кармана.

– Если все в порядке, то тогда я, может, пойду заберу свой выигрыш?

Обычно Эйра никогда не ходила с коллегами выпить пива после работы. Вместо этого она садилась в машину и ехала напрямик домой в Лунде приглядеть за тем, чтобы ее мама хорошенько поужинала и чтобы все было в порядке.

Кстати, в шведском языке бокальчик пива означает как минимум три, а то и все четыре кружки.

Что, в свою очередь, предполагает почти целую милю в такси до дома.

И все же на этот раз именно она предложила пойти выпить. После того как они раздобыли на ипподроме важные сведения, в голосе Августа Энгельгардта появилось что-то бесприютное и одинокое. На обратном пути он спросил, нет ли у нее каких-нибудь интересных телевизионных сериалов, которые она могла бы порекомендовать, и это несмотря на то, что он сам говорил, что смотрел почти все.

– А чем еще можно заняться по вечерам в Крамфорсе?

– А ты был в «Крамме»? – спросила Эйра и тут же об этом пожалела. Она же не виновата в том, что он чувствует себя одиноким.

– Звучит захватывающе, – вяло отреагировал Август.

– Подожди, скоро сам все увидишь.

Несколько букв на неоновой вывеске отеля «Крамм» погасли, оставшиеся светили вполсилы. Много лет назад Эйра здорово здесь напивалась и всюю оттягивалась со случайными мужиками. В памяти остались одни лишь тела, без лиц.

Август вернулся от бара с двумя порциями виски «Хай Коуст».

– Что думаешь о том насильнике? Может нам это что-то дать?

– Ты не находишь, что не слишком-то умно говорить о расследовании в баре?

– Но мы же говорили в ресторане на ипподроме.

– В тот раз ты сообщал мне информацию. К тому же там нас никто не слышал.

Они оглядели бар. Ковер-палас и мягкие стулья, группа местных женщин лет сорока, парочка угрюмых коммивояжеров.

Август отпил прямо из горлышка бутылки.

– Холоднокровные рулят. Это что-то норрландское, да? – спросил он.

– Чего?

– Так сказали те старички на ипподроме, что холоднокровные скакуны горячее, чем обычные лошадки.

– Рабочие лошадки – усердные, – наставительно сказала Эйра, – и не такие нервные и чокнутые, как эти. А так ты, пожалуй, прав, это действительно нечто исконно норрландское.

– Не представляю, каково это – всю жизнь жить на одном месте, где все друг друга знают.

Август откинулся назад, его глаза блестели. Эйра почувствовала, что постепенно пьянеет – обострившееся ощущение жизни, того, что она существует, здесь и сейчас. Она ничем не рискует. Он еще слишком молод, и к тому же у него есть девушка, он сам говорил.

– Я жила несколько лет в Стокгольме, – сказала Эйра. – Я всегда думала, что должна уехать отсюда, как только мне разрешат самой строить свою жизнь.

– Но потом между делом вклинилась любовь, да?

– В каком-то роде. – Она посмотрела в окно – асфальт и парковка. Это мама вклинилась, а не любовь, но говорить об этом было тяжело, слишком личное. Заболевание, ответственность, страх, что она не там, где нужно, – вот почему в прошлом году Эйра вернулась обратно домой. Но ведь ее поступок отчасти тоже продиктован любовью.

Август звякнул своей бутылкой о ее бокал.

– Эйра, – проговорил он. – Красивое имя. Необычное.

– Только не для Одалена. – Она выждала, чтобы поглядеть, последует ли какая-нибудь реакция. Реакции не последовало. – Так звали девушку, которая погибла от срикошетившей пули. Одален, 1931 год. Эйра Сёдерберг. Меня окрестили в ее честь.

– Вот оно что. Круто!

Эйра до сих пор не была уверена, что Август понимает, о чем речь. Она не учла, что ему никогда не стать тем, кто из-под каждого камня выуживает истории. Как бы то ни было, про расстрел в Одалене писали даже в школьных учебниках. Эйре Сёдерберг было всего двадцать лет, когда она погибла. Ее даже не было в колонне демонстрантов, она просто стояла рядом и смотрела, когда в нее угодила пуля. Это событие в корне изменило Швецию, отныне армии

было запрещено выступать против рабочих. Именно здесь было положено начало тому, что позже назовут «шведской моделью общества» – свобода на рынке занятости и компромиссный подход ко всему.

Эйра допила пиво.

– Выпьем же за это, – сказал Август и отправился за новой порцией.

Спустя три, а может, и все четыре кружки пива Эйра стояла перед дверями отеля и набирала номер «Такси Крамфорс». Август отправился в туалет. Неоновая вывеска на крыше отражалась в капотах машин. В какой-то момент она услышала, что он возвращается, и обернулась. И неожиданно выяснилось, что он стоит слишком близко от нее. Каким-то совершенно непостижимым образом она очутилась в его объятиях, ее губы на его губах. Это появилось из ниоткуда – Эйра даже не заметила, когда это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.